

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18).

Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (18), 2022.

Научная статья / Research Article

УДК 821.16.1.0+94

ББК 83+83.3(2=411.2)+63.3

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>

<https://elibrary.ru/PRKIMJ>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2022. Николай Подосокорский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона

© 2022. Nikolay N. Podosokorsky

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of “Napoleon-Prophet” and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of Napoleon

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

<http://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается присутствие наполеоновского мифа в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) в его религиозном аспекте — через историко-культурное сращение «Наполеон-Магомет» и культ почитания Наполеона среди мистических сект русских раскольников первой половины XIX века. Прослеживается, как в европейской культуре было сформировано устойчивое представление о Наполеоне Бонапарте как о новом

«пророке» и «Магомете Запада» (об этом писали Стендаль, А. Дюма, О. де Бальзак и др.), и как сам Наполеон использовал во время Египетского похода и позднее религию и искусство в своих политических целях. Особое внимание уделено пьесе Вольтера «Магомет» (1741) и ее влиянию через театральные постановки на Наполеона и, возможно, на Достоевского.

Наполеоновская теория Родиона Раскольникова объясняется через погружение в историю войн России с Францией и российского сектантского движения, в котором в 1820–1840-х годах особо выделялась одна или несколько сект почитателей Наполеона. Последние, согласно донесениям агентов тайной полиции, негласно собирались в Москве и поклонялись бюсту императора Наполеона, полагая, что он не умер, но жив, и вскоре явится, чтобы «начальствовать над правочерными полками для восстановления разрушенного порядка». Достоевский мог обыграть это оригинальное мистическое явление в своем романе. Неслучайно одним из двойников-заместителей главного героя «Преступления и наказания» является раскольник Миколка, выходец из той же Рязанской губернии, где проживали мать и сестра Раскольникова.

Ключевые слова: «Преступление и наказание», Наполеон, наполеоновский миф, Магомет, Вольтер, секты, наполеоновые, Ростопчин, масоны, война 1812 года, Египетский поход Наполеона.

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<http://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the presence of the Napoleonic myth in Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* (1866) through its religious aspect, namely the historical and cultural mergence of Napoleon and Mohammed and the worship of Napoleon among the mystic sects of Russian schismatics in the first half of the 19th century. The formation of a lasting perception of Napoleon Bonaparte as the new "prophet", "Mohammed of the West" – which can be found in Stendhal, Alexandre Dumas, Honoré de Balzac, and others – is here traced, as well as the way Napoleon used religion and art for political aims during the Egyptian expedition and after. Particular attention is dedicated to Voltaire's play *Mahomet* (1741) and its influence on Napoleon (and possibly on Dostoevsky) through theatre performances.

Rodion Raskolnikov's Napoleonic theory is explained through an immersion in the history of the wars between Russia and France and of the Russian sectarian movement, where in 1920s-1940s could be found more than one sect worshipping Napoleon. According to the reports of secret police agents, they tacitly gathered in Moscow and worshipped a bust of Napoleon the Emperor, believing that he was not dead but alive, and would soon appear to "command the righteous regiments to

restore the shattered order”. Dostoevsky could use this original mystical phenomenon in his novel. It is no coincidence that one of the doubles-substitutes for the main character in *Crime and Punishment* is the schismatic Mikolka, who was born in the Ryazan province, where Raskolnikov’s mother and sister lived.

Keywords: *Crime and Punishment*, Napoleon, the Napoleonic myth, Mohammed, Voltaire, sects, Napoleonites, Rostopchin, Freemasons, War of 1812, Napoleon’s Egyptian campaign.

For citation: Podosokorsky, N.N. “The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of “Napoleon-Prophet” and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshipers of Napoleon.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>

Исследователи, специально занимающиеся изучением наполеоновского мифа, вынуждены считаться с его протеистичностью и амбивалентностью, условно выделяя в нем «черную» и «золотую» наполеоновские легенды, которые на самом деле тесно переплетены между собой. По словам Эмиля Керна, автора монографии «Наполеон. Двести лет легенды. История памяти Первой империи» (2016), «Наполеон очаровывает не потому, что он великий “обычный” человек, а потому, что он сам создал сценарий своего появления как героя, полубога, предмета культа. Независимо от того, любят его или ненавидят, сила его мифа подавляет», цит. по: [Таньшина, 2020, с. 203].

И.В. Артамонова со ссылкой на работу С. Паже справедливо отмечает необычайную широту образа Наполеона в мировой культуре: «От Спасителя к Антихристу, от ангела-искупителя до демона из бездны ада, от торжествующего Прометея до наказанного демиурга, от полубога до дерзкой жертвы собственных амбиций — образ Наполеона противоречив. Даже у одного и того же автора, в одном и том же произведении он нередко представляет собой амбивалентный персонаж» [Артамонова, 2021, с. 30].

При этом «русская» версия наполеоновского мифа «остается одной из самых ярких», и ее грандиозное развитие может, в том числе, объясняться тем, что вступление Наполеона на историческую сцену совпало во времени со становлением российской нации [Черепанова, 2011, с. 176]. Ф.М. Достоевский, как один из наиболее значительных русских национальных писателей и мыслителей, на протяжении

всего своего творчества пытался разгадать тайну души своенравного властителя и тех плодов, которые произросли из ее земного присутствия. Наиболее капитально наполеоновская тема была затронута им в романах «Преступление и наказание» и «Идиот» [Подосокорский, 2009]. В этой статье мы рассмотрим религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание», подробно остановившись на историко-культурном сращении «Наполеон-Магомет» (центральном в теории Раскольниково о великих людях) и на становлении мистического наполеоновского культа среди русских раскольников в первой половине XIX века.

Историко-культурное сращение «Наполеон-Магомет»

В. Гюго в одном из своих афоризмов, приведя изречение Магомета, гласящее, что «солнце взойдет с заката своего», спрашивал, «не про Наполеона ли хотел он сказать?» [Козловский, 1912а, с. 155]. В романе «Преступление и наказание» Наполеон сопоставлен с великими законодателями человечества: Ликургом, Солоном, Магометом и др. Наиболее заметно из этого ряда выделяется сравнение «Наполеон-Магомет». Можно сказать, что два этих имени даже сливаются воедино в уме Родиона Раскольникова: «О, как я понимаю “пророка”, с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся “дрожащая” тварь! Прав, прав “пророк”, когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объяснить! Повинуйся, дрожащая тварь, и — *не желай*, потому — не твое это дело!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 212], — восклицает герой. В этих его словах события 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года) в Париже, когда генерал Бонапарт при помощи пушек утопил в крови роялистский мятеж, существенно переосмысливаются героем. Студент Раскольников видит в Наполеоне, причем уже на начальном этапе его умопомрачительной карьеры, нового Магомета со свойственными мусульманскому пророку чертами: фанатизмом, безжалостным отношением ко всякому, кто встает на его пути, непоколебимой верой в собственное призвание, долженствующей изменить мир.

Основатель исламской религии на своем родном арабском языке называется Мухаммед. Но уже с царствования Екатерины II в России вошло в употребление взятое с французского и устаревшее ныне «Магомет». Такой вариант, служивший к тому же символическим

обозначением всех мусульман, использовали в своих сочинениях Я.Б. Княжнин, М.М. Херасков, В.И. Майков, А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин и др. Преимущественно под этим именем мусульманский пророк выведен и в творчестве Ф.М. Достоевского.

Имена Наполеона и Магомета, слившиеся в «Преступлении и наказании» воедино, впервые писатель планировал сблизить в петербургской поэме «Двойник». Так, в черновых набросках к предполагавшейся переработке журнальной версии «Двойника» Достоевский описал мечты господина Голядкина «сделаться Наполеоном, Периклом, предводителем русского восстания» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 434]. Эти подробности существенно бы дополнили суждения героя об исламе, к которому он прибегал, «не соглашаясь, впрочем, с иными учеными в иных клеветах, взводимых на турецкого пророка Мухаммеда, и признавая его в своем роде великим политиком» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 158]. Однако по какой-то причине отсылка к Наполеону в финальный текст произведения так и не вошла.

В «Преступлении и наказании» имя Магомета впервые возникает в разговоре Родиона Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем на квартире последнего. Вспоминая содержание своей статьи «О преступлении», Раскольников перечисляет наиболее известных законодателей и установителей человечества, которые «начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199–200]. В этом перечислении имена двух деятелей стоят вплотную рядом, хотя жизнь Магомета от жизни Наполеона отделяет двенадцать веков. Немногим далее Порфирий также заостряет внимание на образе пророка, говоря уже о возможных попытках повторить его путь: «Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... — будущий, разумеется, — да и давай устранять к тому все препятствия...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 203]. Это заставляет, в конечном счете, главного героя объясниться: «Позвольте вам заметить, — отвечал он сухо, — что Магометом иль Наполеоном я себя не считаю... ни кем бы то ни было из подобных лиц <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 204].

Если вспомнить, что вскоре Раскольников, вернувшийся от Порфирия в свою каморку, признает правоту «пророка», ставящего «поперек улицы хор-р-рошую батарею», то становится ясно, что для

него путь к славе и могуществу заключается не просто в подражании Наполеону, но Наполеону, за которым стоит *Магомет* (разумеется, также мифологизированный западной культурой). Никак нельзя согласиться с Г. Красновой в том, что «Христос и Мухаммед для Достоевского — личности одного ряда», и что в его «зрелом творчестве образ Пророка непротиворечив» [Краснова, 1998]. Исследовательница вслед за В.В. Борисовой [Борисова, 1991] пытается сгладить неудобные моменты в весьма противоречивом и сложном отношении писателя к исламу и пророку Магомету, который им вовсе не воспринимался как личность *одного ряда* с Христом. Напомню, что в разгар Крымской войны Достоевский в свойственной ему манере провел резкую грань между христианством и магометанством в стихотворении «На европейские события в 1854 году»:

С неверными на церковь воевать,
То подвиг темный, грешный и бесславный!
Христианин за турка на Христа!
Христианин — защитник Магомета!
Позор на вас, отступники креста,
Гасители божественного света!
[Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 405].

В «Преступлении и наказании» критика Магомета, конечно, принадлежит не самому писателю, но его герою. Хотя у нас нет оснований утверждать, как это делает П.В. Алексеев, что для Достоевского в этом романе «была важна только политическая деятельность Магомета, мечом отстаивавшего свои убеждения и провозгласившего фатализм краеугольным камнем новой религии для обеспечения народной покорности» [Алексеев, 2013, с. 299]. Б.Н. Тихомиров, комментируя перечисление Раскольниковым имен великих «преступников», среди которых названы Магомет и Наполеон, справедливо отметил, что мысль героя, стремящаяся объять всю всемирную историю человечества, «базируется на фактах внехристианской истории» [Тихомиров, 2005, с. 237]¹. Образ «Наполеона-Магомета»

¹ Среди попыток объяснить наличие или отсутствие в этом ряду тех или иных великих законодателей были и весьма курьезные. Например, А.Б. Махмадияров обратил внимание на то, что среди названных Раскольниковым великих людей нет ни одного российского «законодателя и установителя», тогда как в истории Российского государства «такими могут считаться князь Владимир, Иван Грозный, Петр I и др.» Вывод из этого Махмадияров делает следующий: «Отсутствие же в теории Раскольникова отечественных “властелинов”»

(«пророка», с саблей, на коне»), которым восторгается герой, можно интерпретировать и как образ антихриста в квадрате. Большинство средневековых христианских авторов считало Магомета не просто жестоким завоевателем, но лжепророком и самозванцем. Как пишет С.И. Лучицкая: «Воображению западных христиан ислам рисовался то как учение Антихриста, то как царство идолов, юдоль грехов и соблазнов. Известный писатель и религиозный деятель Альвар из Кордовы, живший в мусульманской Испании в IX веке, в своих сочинениях отождествил Мухаммада со зверем из Апокалипсиса, разрушающим христианские святыни. Ключинский аббат Петр Достопочтенный, впервые изложивший для христиан учение ислама, изобразил пророка чудовищем с головой человека, лошадиной шеей и птичьим телом. Для отцов церкви Мухаммад действительно был чудовищем в аллегорическом смысле, ибо он стал основателем враждебного христианству учения» [Лучицкая, 1994, с. 182].

Долгое время в Европе пророка Мухаммеда «наделяли демонической или магической силой, способностью творить мнимые чудеса, соблазняя легковверных и недалеких людей», а его вероучение воспринималось как «ложь и сознательное искажение истины», как «религия фатализма, нравственной распущенности и потворства страстям, религия насилия и жестокости» [Журавский, 1990, с. 29]. Данте Алигьери в «Божественной комедии» помещает Магомета в девятый ров восьмого круга ада, где обитают те, «кто, разделяя, копит гнет», то есть зачинщики раздоров, тела которых постоянно рассекаются лезвием дьявола за их злодеяния. Фамилия героя «Преступления и наказания» — Раскольников — и совершаемое им топором двойное убийство старухи-процентщицы Алёны Ивановны и ее сводной сестры Лизаветы приобретают дополнительный пародийный смысл при прочтении фрагмента из Данте, в котором описывается чудовищная расправа над Магометом и ему подобными:

Несчастный, взглядом встретившись со мной,
Разверз руками грудь, от крови влажен,
И молвил так: «Смотри на образ мой!
Смотри, как Магомет обезображен!
Передо мной, стена, идет Али,
Ему весь череп надвое рассажен.

следует понимать в том смысле, что принцип насилия не типичен для истории Российского государства» [Махмадияров, 1992, с. 13–14].

И все, кто здесь, и рядом, и вдали, —
Виновны были в распрах и раздорах
Среди живых, и вот их рассекли...»
(Ад, песнь 28, стихи 28–36, перевод по

[Данте Алигьери, 1967])

Согласно логике великого флорентийца, виновники расколов подлежали такому наказанию за рассечение единого народного тела. Магомет, появившись уже после христианства, внес в мир новый раскол, обернувшийся массовым кровопролитием. Его последователь Али, при котором ислам распался на направления, — виновник очередного раскола в самом исламе (поэтому Данте и изображает его с рассеченной головой). Петербургский «Наполеон-Магомет» Родион Раскольников также выдвигает теорию, раскалывающую всех людей на два разряда, и, совершив ради утверждения идеи собственного величия убийство, обрекает себя на те же мучения в аду. Этим моментом можно объяснить болезненное ощущение героя, настигшее его после преступления в полицейской конторе, когда у него раскалывалась голова, «точно гвоздь ему вбивали в темя» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 82]; а также собственное его признание: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]. Однако герой Достоевского, мечтает пройти не просто путь раскольника Магомета, но путь его западного последователя — Наполеона, виновного в раздорах и войнах, сотрясавших Европу в начале XIX века.

Глубинно связь Наполеона и Магомета чувствовал и А.С. Пушкин. Исследователями уже отмечалось [Благой, 1972, с. 394–395; Борисова, 1997, с. 118; Бочаров, 2002, с. 145–146], что, соединяя в идейную пару имена Магомета и Наполеона, Раскольников при этом, словно соединяет и два контекста с «тварью» у Пушкина — «дрожащую тварь» первого стихотворения из цикла «Подражания Корану»:

Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй
[Пушкин, 1977–1979, т. 2, с. 188],

с миллионами «двуногих тварей», представляющих собой лишь «орудие» для Наполеонов, из второй главы романа «Евгений Онегин»:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.
[Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 36],

Важнейшая цель нового властелина, по теории Раскольникова, состоит в том, чтобы взять свободу и власть «над всю дрожашую тварью и над всем муравейником» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 353], и заставить обыкновенного человека трепетать при одном упоминании знаменитого имени. Сам Наполеон также отстаивал политическую необходимость точечного террора, отдавая ему предпочтение перед желанием задобрить народ. «Когда его младший брат Людовик, назначенный им в 1806 г. в Голландию королем, вздумал как-то похвалиться перед Наполеоном, что его, Людовика, в Голландии очень любят, то старший брат сурово оборвал младшего словами: “Брат мой, когда о каком-нибудь короле говорят, что он добр, значит царствование не удалось”» [Тарле, 1959, с. 93].

При рассмотрении образа «дрожащей твари» важно также акцентировать внимание на эпитете «*дрожащей*». Возможно, что образ дрожащей, т. е. напуганной твари, был навеян Достоевскому (а до него — Пушкину²) трагедией Вольтера «Фанатизм, или Пророк Магомет» (1741). В ней Магомет показан в качестве жестокого обманщика, который уделяет пристальное внимание моменту устрашения толпы. Верный Магометов военачальник Омар, согласно заветам учителя, дает шерифу Мекки Зопиру (или Сафиру) следующий совет:

Все смертные ему должны покорны быть.
Я будущим векам пример хотел явить.
Бог властный в выборе, пред кем в том отвечает?
Он мрак и блеск дает, он судит и прощает,
Он гласом здесь моим низшел с тобой рещи,
Познай кто Магомет, страшись и трепещи
[Вольтер, 1810, с. 13].

² О том, что Пушкин был знаком с трагедией Вольтера, писал С.А. Фомичев [Фомичев, 1978, с. 41].

На это Зопир называет Магомета «тираном», «еретиком» и «обманщиком» и восклицает:

Пусть в мусульманах он ум может ослеплять,
Раскол, что чтят они, я должен презирать
[Вольтер, 1810, с. 14].

После чего грозный Омар произносит такие слова:

Народом управлять, дано великим людям.
Родится он на то, чтоб в рабстве слепо жить,
Дивиться, верить нам, и должен нам служить.
Дели величество, и вместо дел бесплодных
Заставь вострепетать сердца простонародных
[Вольтер, 1810, с. 16].

С.П. Бобров (уже в XX веке и, вероятно, не без влияния А.С. Пушкина) перевел последний фрагмент немного иначе:

Народ, слепой и слабый, осужден
Нам верить, слушать нас и обожать.
Боишься быть рабом — так царствуй с нами,
Дели величье наше, а толпе
Не подражай — дрожать ее заставь
[Вольтер, 1947, с. 292].

Мотив устрашения народов проходит через всю трагедию Вольтера, причем Магомет, не стесняясь, рассказывает о своем честолюбии и торжестве права *сильного*, которому всё разрешается:

Мой меч и алкоран в кровавых сих руках
Заставил бы молчать всех смертных в их странах;
Мой глас бы их сразил как громовой стрелой
И зрел бы их челом ниц падших предо мною.
С тобой как человек, как друг, хочу вещать:
Нет нужды сильному безсильнова ласкать.
Зри, Магомет каков! Одни мы... внятлив буди...
Знай, я честолюбив, но таковы все люди.
Царь, пастырь или вождь, герой или гражданин
В намереньях со мной сравнялся ль хоть один?
[Вольтер, 1810, с. 29].

В другом месте Магомет призывает Сафира «обмануть мир» переменной своей веры: «Дрожащей твари Алкоран поведай» [Вольтер, 1947, с. 305] (в оригинале: «annoncer l' alcoran aux peuples effrayés»). В переводе В. Луговского и А. Голембы эти слова переданы так: «И, возвестив Коран дрожащим племенам» [Вольтер, 1957, с. 158]. В переводе Н. Остолопова: «Прими мой Алкоран с сим градом уstraшенным» [Вольтер, 1828, с. III].

Трагедию Вольтера, в которой Магомет представлен, по выражению самого автора, «Тартюфом с оружием в руках» [Вольтер, 1828, с. 30], можно считать, наряду с напрашивающейся контаминацией пушкинских текстов, опосредованным источником сращения «Наполеон-Магомет» в европейской культурной традиции. В век Просвещения ислам уже считался не просто заблуждением, а, по словам А. Лоранса, религией, «которая благоприятствует деспотизму и фанатизму и порождена честолюбием человека, желавшего властвовать» [Прусская, 2016, с. 74]. Достоевский, с большим вниманием относившийся к сочинениям Вольтера, мог ознакомиться с этой трагедией на языке оригинала или по одному из существовавших тогда переводов на русском языке (П.С. Потемкина или Н.Ф. Остолопова). О ней, кстати, упоминается и в другом произведении Вольтера «Кандид, или оптимизм», которое писатель знал досконально.

Пьеса «Магомет» вызывала неподдельный интерес и у самого Наполеона, который, по словам С.Н. Искюля, «считал трагедии подлинной школой воспитания характера и гражданских добродетелей» [Лас-Каз, 2019, с. 188]. По мнению Жака Годшо, можно в целом говорить и «об определяющем влиянии Вольтера³ на рассуждения Наполеона о религии» [Кротов, 2021, с. 370]. Французский император умело использовал и религию, и литературу, и театр для своих агитационно-политических целей [Финкельштейн, 1963, с. 103–104]. Так, во время встречи европейских монархов в Эрфурте (1808), в числе постановок лучших французских драматургов ставилась и эта пьеса Вольтера⁴. Талейран (на тот период времени великий вице-электор империи), со свойственным ему остроумием написал об этом в своих мемуарах:

³ Любопытно, что в день рождения Наполеона, 15 августа 1769 года, Вольтер в письме к Д'Аламберу, полушутя, написал: «До свидания; посылаю мой привет дьяволу, потому что он в настоящее время правит миром» [Морлей, 2016, с. 318].

⁴ Встреча монархов России и Франции в Эрфурте проходила с 27 сентября по 14 октября 1808 года, а уже в ноябре 1808 года в Петербурге снова состоялась постановка вольтеровского «Магомета» [Всеволодский-Гернгросс, 2012, с. 143].

«Но любимой его [Наполеона] пьесой, лучше всего объясняющей причины и источник его могущества, был “Магомет”, так как ему казалось, что в ней он заполняет собой всю сцену.

Уже с первого действия, со слов:

Les mortels sont égaux, ce n'est point la naissance,
C'est la seule vertu qui fait la différence.
Il est de ces esprits favorisés des cieux
Qui sont tout par eux-mêmes et rien par leurs aïeux.
Tel est l'homme, en un mot, que j'ai choisi pour maître;
Lui seul dans l'univers a mérité de l'être;
Tout mortel à ses lois doit un jour obéir, etc⁵.

взоры всего зрительного зала устремлялись на него; слушали актеров, но смотрели на Наполеона. Каждый немецкий принц, естественно, должен был применять к себе следующие стихи, которые Лафон⁶ произносил мрачным голосом:

Vois l'empire romain tombant de toutes parts,
Ce grand corps déchiré dont les membres épars
Languissent dispersés sans honneur et sans vie;
Sur ces ébris du monde élevons l'Arabie.
Il faut un nouveau culte, il faut de nouveaux fers,
Il faut un nouveau Dieu pour l'aveugle univers⁷.

Аплодисменты сдерживались лишь почтением, но они готовы были разразиться еще громче при стихах:

Qui l'a fait roi? Qui l'a couronné? La victoire⁸.

⁵ «Магомет», действие I, явление 4: Смертные равны, не рождение, — а одна лишь добродетель создает среди них различие. — Существуют души, отмеченные небом, — которые свое значение создают сами и ничем не обязаны своим предкам. — Таков, одним словом, человек, которого я выбрал себе господином; — он один во вселенной заслужил им быть; — всякий смертный должен будет некогда подчиниться его законам, — и т. д.

⁶ П. Лафон — один из ведущих актеров «Comedie-Francaise» того времени. Был приглашен играть в театральных постановках в Эрфурте.

⁷ «Магомет», действие II, явление 5: Посмотри на Римскую империю, повсюду рушащуюся, — на это великое и растерзанное тело, рассеянные члены которого — чахнут, разбросанные, лишенные чести и жизни; — на этих развалинах мира мы воздвигаем Аравию. — Нужна новая религия, нужны новые узы, — нужен новый Бог для слепой вселенной.

⁸ «Магомет», действие I, явление 4: Кто сделал его царем? Кто короновал его? Победа.

Когда Омар прибавлял:

Au nom de conquérant et de triomphateur
Il veut joindre le nom de pacificateur⁹,

то присутствующие разыгрывали умиление. При этих словах Наполеон умело изображал волнение, показывая, что именно этим местом он хотел объяснить всю свою жизнь» [Талейран, 1959, с. 201–202].

Скорее всего, саркастический Талейран несколько преувеличил актуальное политическое звучание пьесы, тем более что известны критические высказывания Наполеона об этом сочинении Вольтера. В разговоре с И.В. Гёте французский император считал недостатком «Магомета» то, что «герой, завоеватель мира, характеризует себя в столь непривлекательном виде» [Реизов, 1962, с. 44]. В ссылке на острове Святой Елены Наполеон в беседе с Э.О. де Лас-Казом также критиковал Вольтера за искажение исторического образа Магомета: «Магомет был предметом его самой живой критики... Вольтеру, говорил Император, здесь недоставало знания истории и человеческого сердца. Он бесчестил великий характер Магомета самыми низкими интригами. Он заставлял действовать великого человека, изменившего лицо мира, как самого подлого негодяя, достойного всего-навсего виселицы. Не менее неуместно он исказил великий характер Омара» [Кротов, 2021, с. 109]. Впрочем, тот же Лас-Каз приводит и высказывание Наполеона о Магомете, в котором пророк мусульман дополняет выдающегося мастера политической интриги Никколо Макиавелли: «Конгресс — это выдумка, используемая дипломатами в своих целях. Это — перо Макиавелли в соединении с саблею Магомета» [Лас-Каз, 2019, с. 65].

Вместе с тем, сравнение Наполеона с Магометом, о котором с насмешкой писал Талейран применительно к 1808 году, исторически возникло гораздо раньше и если не в период 13 Вандемьера, как это представлялось Раскольникову, то уже год спустя, во время первой Итальянской кампании Бонапарта. Так, Стендаль в «Жизни Наполеона» отмечал, что некоторые «малодушные лица» упрекали французского полководца за его действия в Северной Италии в 1796–1797 годах. «Они утверждают, будто Наполеон насаждал

⁹ «Магомет», действие I, явление 4: К имени победителя и триумфатора — он хочет прибавить имя миротворителя.

в Италии свободу теми же способами, какими действовал Магомет, проповедовавший Коран с мечом в руках. Новообращенных восхваляли, им покровительствовали, расточали им милости, а неверных безжалостно подвергали всем ужасам войны: грабежу, непосильным поборам...» [Стендаль, 1959, т. 11, с. 16].

Однако уподобление победоносного французского генерала пророку Магомету получило свое теоретическое обоснование лишь после военных кампаний, проведенных Бонапартом в Египте и Сирии в 1798–1799 годах. Во время движения французской эскадры до Египта секретарь Бонапарта Л.А.Ф. де Бурьенн читал главнокомандующему в каюте флага «Восток» Коран, на который по прибытии тот уже ссылался как на основу своего мышления. Так, объясняя как-то в Каире мотивы своего поведения, Бонапарт заметил, что «от Аллаха исходит все хорошее, он дарует нам победу» [Людвиг, 1998, с. 113].

Султан Эль-Кебир (Великий султан), как прозвали Бонапарта каирские шейхи и улемы, в воззваниях и прокламациях к народам Востока не раз объявлял о своей любви к Пророку и Корану. Египетский историк Абдаррахман аль-Джабарти, живший в то время, приводит текст одной распространяемой среди населения прокламации Бонапарта: «Египтяне! Вам было сказано, что я прибыл в эту страну, чтобы уничтожить вашу религию. Но это явная ложь — не верьте ей. Скажите тем, кто распространяет эти слухи, что я прибыл сюда лишь для того, чтобы освободить ваши права из-под власти тиранов, и что я больше, чем мамлюки, поклоняюсь Богу Всевышнему и почитаю пророка и великий Коран. Скажите им также, что все люди равны перед Богом и отличают одних от других только разум, достоинства и знания» [Абд ар-рахман Ал-джабарти, 1962, с. 54].

Вальтер Скотт в «Жизни Наполеона Бонапарта» (1827) отмечал, что «Наполеон возымел странную мысль убедить мусульман, что он сам, непонятно каким образом, принадлежит их вере и послан от Бога на землю вовсе не с целью разрушить, а, напротив, утвердить и дополнить (!) учение Корана и наказы правоверным Магомета» [Скотт, 1995, т. 1, с. 190]. Для подобных целей французы использовали, в том числе, фальшивые мистические рассказы, распространяемые в целях пропаганды в качестве «подлинных» историй через французскую прессу. В одном из таких рассказов сообщалось, что некоему египетскому дервишу было явлено откровение о разговоре пророка Магомета с Судьбой. Последняя убеждала его смириться

с завоеванием Египта французами, ибо «эти завоеватели будут мусульманами» [Прусская, 2016, с. 102]. Как вспоминал Наполеон, в оккупированном Каире он часто беседовал с учеными старцами-мусульманами и «старался внушить им доверие обсуждением Корана, приглашая их разъяснить ему наиболее важные места и высказывая большое восхищение Пророком» [Наполеон, 2003, с. 508].

Такое его поведение было, главным образом, вызвано, политической целесообразностью, хотя Бонапарт, по словам его сподвижников, вполне мог принять ислам, при условии, что перемена веры, действительно, способствовала бы его владычеству над Востоком. Как пишет в своих мемуарах Бурьенн: «Конечно, Бонапарте имел и должен был иметь уважение к местной вере; ему следовало более действовать как мусульманину, чем как католику. Искусный завоеватель должен поддерживать свои победы покровительствуя, хваля, даже превознося веру покоренного им народа. Бонапарте, как он часто мне говаривал, имел правилом считать веры учрежденными людьми; но уважал их везде как могущественное средство для Правительства. Впрочем, я не поручусь за то, что он не переменял бы своей веры, если б завоевание Востока было ценою этой перемены. Над всем, что он говорил о Магомете, об Исламизме, о Коране пред именитыми обывателями земли сей, — он сам смеялся; но желал чтобы это было повторяемо и чтобы изречения его о вере, будучи прелагаемы в благозвучные стихи, в пышную Арабскую прозу, более и более преклоняли в его пользу умы жителей» [Бурьенн, 1834, с. 153–154]. Характерно, что Коран стоял в библиотеке Бонапарта в разделе «Политика» [Людвиг, 1998, с. 113].

В августе 1798 года согласно повелению Бонапарта с большой помпой был отмечен праздник в честь пророка Магомета [Абд ар-рахман Ал-джабарти, 1962, с. 78–79; Денон, 2014, с. 80], после чего главнокомандующий французской армией отдал приказ об учреждении института, предназначенного «для прогресса и распространения просвещения в Египте» [Прео, 2021, с. 32]. Согласно воспоминаниям самого Наполеона, в народе утвердилось мнение, что «французы восхищены Магометом, что их вождь знает Коран наизусть и признает, что в этой премудрой книге заключены прошлое, настоящее и будущее», что «сам Магомет явился султану Кебиру», что султан Кебир «обещал построить большую мечеть», «что вся армия станет мусульманской и что великие шейхи Ас-Сада и Аль-Бакри рассматривают его как мусульманина» [Наполеон,

2003, с. 511]. В пользу Бонапарта говорили его победы, в которых суеверные и конформистски настроенные слои египетского общества видели благоволение свыше. Некоторые улемы и имамы говорили про него: «Французы ни за что не победили бы правоверных, если бы их вождь не пользовался особым покровительством пророка. Войско мамелюков было непобедимым, самым храбрым на Востоке. Если оно было полностью разбито, то это потому, что было греховным, неправедным. Это предсказано в Коране в нескольких местах» [Лашук, 2004, с. 93].

Заигрывания генерала Бонапарта с религией египтян даже породили в Европе слухи о его переходе в ислам¹⁰. Н.А. Полевой в своей «Истории Наполеона» (1844–1848) так описал сделанное султану Кебиру предложение принять магометанство, от которого тот, впрочем, отказался: «Наполеон хотел действовать на воображение жителей даже таинственным величием, представляя из себя вдохновенного посланника небес. Великолепие всегда окружало его; речь его всегда была важна, исполнена гипербол и сентенций на манер восточный. Разговаривая однажды с муфтием, он замолчал, и потом заговорил торжественно: “Слава Аллаху! Единый Бог есть Бог, а Магомед пророк его!” — “Ты изрек великую истину”, отвечал муфтий. “Верить ли, что избранные могут обратить громы небесные с неба на землю? — Ты великий вождь, которому Магомед вручил громы небесные, с могуществом и победою”. — “Да, но хлеб, похищенный злым, превратится в прах в устах его!”, возразил Наполеон. Может быть, оба собеседника сами плохо понимали, что такое говорят, но тем было лучше, и некоторые из шейхов решились даже предложить Наполеону принять веру магометанскую» [Полевой, 1844, с. 405–406]. Широкое распространение получил в России и разговор Бонапарта с тремя учеными мусульманами в большой пирамиде Хеопса из «Описания египетской экспедиции». В нем Бонапарт восклицал: «Божественный Алкоран питает душу мою, увеселяет глаза мои. Я люблю пророка и надеюсь скоро почтить

¹⁰ Достоевский в журнальной версии (1848) рассказа «Честный вор», имевшего при первой публикации название «Рассказы бывалого человека. (Из записок неизвестного)», также затронул тему перемены Наполеоном собственной веры. Правда, там, согласно воспоминаниям ветерана наполеоновских войн Афанасия Ивановича, французского полковника агитировали принять не ислам, а православие: «А было ему представлено, Бонапарту, чтоб крестился он в русскую веру и по русской вере присягу дал. Да не согласился француз; верой своей не пожертвовал... На том только и разошлись. Славное, сударь, времечко было!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 426].

могилу его во святом граде», а его собеседники не переставали его прославлять: «Слава пророку, который послал тебя к нам, да оживишь веру слабых и да откроешь для правоверных седьмое небо!» [Вестник Европы, 1802а, с. 46, 50]

Сохранилось даже изображение Бонапарта в пышном восточном одеянии и характерном головном уборе, выполненное неизвестным участником Египетского похода. На нем генерал Бонапарт держит свою правую руку на Коране, а с его левого бока виден эфес сабли (см. *Илл. 1*). Генерал Ш.Т. Бовэ де Прео в 1817 году писал, что Бонапарт «употребил все силы, чтобы самому соблюдать и заставить всех с уважением относиться ко всему, что касалось религиозных и светских традиций. Такое поведение снискало уважение и почтительное отношение к главнокомандующему у множества лиц, пользовавшихся доверием среди народа. В порыве признательности они прозвали его Али. Имя зятя Магомета, достойного последователя и автора Корана, тоже пророка, показалось им наиболее подходящим, чтобы выразить сложившееся у них мнение о характере и великих качествах победителя мамлюков» [Прео, 2021, с. 68].

Сирийский хронист Никула ат-Турк также пишет, что египтяне воспринимали Бонапарта как провозвестника конца света и последнего преемника пророка Мухаммеда: «Он был умен и учен, и поговаривали, что он знает астрологию, поскольку заранее объявлял, в какое время произойдут события; он рассказывал, что прочитал о своем приходе [в священных книгах], которые никто не видел, кроме него, и что именно он установит справедливость на земле». Он отмечал, что многие египтяне верили в то, что Бонапарт является махди и «только его европейская одежда не давала поверить в это. Но если же он появлялся в восточной одежде, то люди верили ему» [Прусская, 2016, с. 59].

Произошедший на Востоке переворот в сознании генерала Бонапарта ощущал и сам «надменный герой». «В Египте, — скажет он, — я чувствовал себя освобожденным от пут стеснительной цивилизации. Я видел себя на пути в Азию, на спине слона, с турбаном на голове и с новым, моего сочинения, Алкораном в руках. Это было лучшее время моей жизни, потому что самое идеальное» [Мережковский, 1993, с. 153]. Подлинное отношение Наполеона к религии было весьма противоречивым. А.А. Кротов посвятил этой проблеме специальный параграф своей монографии «Наполеон и философия», содержащий обзор мнений авторитетных историков

Илл. 1. Неизвестный художник. Генерал Бонапарт в Каире в восточном одеянии.

Fig. 1. Artist unknown. Bonaparte in Oriental costume in Cairo.

на сей счет. На наш взгляд, наиболее точны следующие утверждения: «Пьер Норма полагал, что все дело сводится к представлениям об утилитарности: “Верующий ли сам Бонапарт? Во всяком случае, он пользуется религией политически, о ней он имеет «утилитарные» идеи”. Сходное мнение высказывал и Альбер Собуль: “Нельзя ошибаться относительно внутренней позиции Бонапарта: его понимание религии было чисто утилитарно”, выражалось в стремлении “сделать из нее инструмент политического господства и упрочения

социальной иерархии". Жюль Берто считал, что Наполеон не был религиозен, но ценил политическую полезность церкви» [Кротов, 2021, с. 371–372].

Сам Наполеон на заседании государственного совета 16 августа 1800 года объяснил свое отношение к религии следующим образом: «Моя политика в том, чтобы управлять людьми так, как желает большая их часть. В этом, я думаю, способ признавать суверенитет народа. Именно сделавшись католиком, я закончил войну в Вандее, сделавшись мусульманином, я утвердился в Египте, сделавшись ультрамонтаном, я завоевал умы в Италии. Если бы я управлял еврейским народом, я восстановил бы храм Соломона» [Кротов, 2021, с. 376]. В девятом номере «Вестника Европы» за 1802 год необычайная веротерпимость и религиозная гибкость правителя Франции оценивалась, скорее, как разумное и позитивное проявление его политики: «Консул вместе со всеми благоразумными уверен в святости христианской религии вообще и в благодетельности ее для счастья государств, но он без сомнения не думает принуждать нас быть католиками. Разве мы не видали его другом Магомета в Египте? Особенная религия Консула есть — политика!» [Вестник Европы, 1802б, с. 72].

В последние годы жизни Наполеон продолжал размышлять над различиями основных мировых религий. На острове Святой Елены в беседе с генералом А.Г. Бертраном он отдавал приоритет исламу перед учением Христа, утверждая, что мусульманский рай «побуждает к битве и обещает блаженство тем, кто погибает в ней. Крылья ангелов врачуют раны. Таким образом, религия Магомета во многом способствовала успехам его оружия <...> Христианская религия не возбуждает отвагу. Как генерал, я не любил христиан в своей армии. Непредвиденная смерть так опасна; нужно столько труда, чтобы попасть в рай, такое значение придают последним моментам жизни, что это мало согласуется с воинственным духом и неожиданной гибелью» [Тарасов, 2003, с. 469]. В другом признании тому же Бертрану император обратил внимание на общность исторических условий, благодаря чему только и могли выдвинуться такие личности, как Магомет и он сам: «После революции люди способны на большие дела. Если Франции удалось подчинить Европу, она обязана этим революции. Конечно, я ею руководил, но пользуясь теми элементами, которые я обнаружил. Возможно, что так дело обстоит и с Магометом» [Далин, 1970, с. 101].

Раскольников, идея которого основана на сращении «Наполеон-Магомет», особо выделяет Египетский поход из биографии своего кумира. И если сперва эта веха наполеоновской карьеры лишь дополняет другие: «Нет, те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211]; то вскоре «посторонняя мысль» героя отдает ей явный приоритет: «Наполеон, пирамиды, Ватерлоо — и тощая гаденькая регистраторша <...>, — ну каково это переварить хоть бы Порфирию Петровичу!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211]. В последних словах героя «пирамиды» символизируют важнейший этап возвышения Наполеона, контрастирующий с фатальным поражением под Ватерлоо. В этой же 6-ой главе III-ей части романа Раскольников сравнивает с «пирамидой египетской» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 210] и возможную против него улику, просмотренную им стотысячную черточку. Позднее, в разговоре с Соней Мармеладовой, герой вновь сопоставит события египетского похода со своим преступлением: «<...> что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка...?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 319].

Отметим, что деятельность Бонапарта в Египте поначалу восхитила многих его российских современников. С.Н. Глинка, также бывший сперва почитателем Наполеона, писал в своих мемуарах: «С отплытием Наполеона к берегам Египта мы следили за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой; его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших было тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Но не мы одни так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом» [Глинка, 1895, с. 194]. Позднее в изданной Сергеем Глинкой книге «Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта» египетская кампания Бонапарта будет уже представлена как одно сплошное злодеяние: «На берега Египта вывел он с собою все ужасы, поражающие человечество. Каждый шаг ознаменовывался злодейством» [Глинка, 1816, с. 5]. Сам же публицист развернет в издаваемом им «Русском

Вестнике» мощную информационную кампанию по дискредитации Наполеона и всего французского, причем в одном из номеров 1813 года будет опубликовано стихотворение «Побег Наполеона Карловича из земли Русской», в котором в роли защитницы «русского духа» от «шута-корсиканца» будет представлена героиня русских сказок Баба Яга [Мирзоев, 2010, с. 97–98].

Сравнения Наполеона с Магометом в негативном ключе стали появляться на страницах русской прессы во время участия России в четвертой антифранцузской коалиции (1806–1807). Так, в пятнадцатом номере «Вестника Европы» за 1806 год, в разделе «О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего» сообщалось: «Магомет ничего не признавал, кроме своего Алкорана, — и преемники его завоевали Азию; Тамерлан и Ченгис-Хан не знали законов других наций, — и покорили государства: так и Бонапарте, притворяясь, будто не знает священных оснований, на которых утверждены права народов, и идучи по следам упомянутых завоевателей, присвоил себе власть, подобно им, насильственной рукою давать новый вид окрестным государствам» [Вестник Европы, 1806, №15, с. 217].

Заметной вехой в отношении к Наполеону в российском обществе стало Объявление Святейшего Правительствующего Синода, составленное при участии митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина). Это объявление, согласно именному императорскому указу от 6 декабря 1806 года, «русское православное духовенство обязано было читать в храмах каждый воскресный и праздничный день по окончании литургии» [Гуминский, 2002, с. 222]. В нем «неистовому врагу мира и благословенной тишины» Наполеону, в частности, было поставлено в вину то, что «в Египте приобщился он гонителям Церкви Христовой, проповедовал алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святыя Церкви Христовой» [Шильдер, 2008, с. 397]. Также французский предводитель обвинялся в том, что «он дерзает против Бога и России» и мечтает «похитить (о чем каждому человеку и помыслить ужасно!) священное имя Мессии» [Шильдер, 2008, с. 399]. Чтобы дополнительно унижить прославленного полководца и законодателя в тексте воззвания он был назван «тварью, совестью сожженной и достойной презрения» [Шильдер, 2008, с. 399].

В духе этого объявления в 1807 году был написан и распространен и текст председателя Римско-католической духовной коллегии Российской империи, архиепископа-митрополита Могилёвского Станислава Богуш-Сестренцевича. Он также пытался внушить своей пастве, что Наполеон есть «враг рода человеческого» и что, «не быв привержен ни к какой религии, он всегда употреблял ее так, как средство политическое: чтоб пленить умы Египтян, он признал пред Муфтием Магомета истинным пророком. Чтоб привлечь к себе Евреев всего света, он тщится представить себя им в лице Мессии их» [Шильдер, 2008, с. 400–401]. Вспоминая о войне с Наполеоном 1806–1807 годов, ее участник, поэт-гусар Денис Давыдов перечислил бранные прозвища, которыми он тогда наделил Наполеона: «Что бы я отвечал ему, если бы он сказал мне: “То вы, сударь, называете меня Сатаной 1-м, то землетрясением, то чертом-человеком, то Магометом Калиостро”¹¹» [Давыдов, 1962, с. 255]. Впрочем, тут же Давыдов спешит написать о том, что боготворит Наполеона: «Он, может быть, не знает всего удивления, всего восторга, питаемого мною к нему, чудеснейшему существу, которому подобного не было еще в этом мире!» [Давыдов, 1962, с. 256].

После заключения российско-французского союза в Тильзите в июне-июле 1807 года процесс шельмования Наполеона в российской печати был временно приостановлен, так что после этого даже в академических изданиях было велено Н.Н. Новосильцевым не допускать «каких-либо выражений, порочащих императора Франции Наполеона» [Летопись, 2002, с. 55]. Однако в канун и во время Отечественной войны 1812 года антинаполеоновская религиозная пропаганда вспыхнула с новой, еще большей силой, умножив слухи о Наполеоне как об антихристе [Мельникова, 2007, с. 70; Левенштерн, 2018, с. 23]¹². Так, святитель Филарет (Дроздов), на тот

¹¹ Прозвище, данное Денисом Давыдовым Наполеону — «Магомет Калиостро» — может, учитывая остальные бранные «клички» в этом ряду, намекать на шарлатанство и авантюризм французского полководца, а также на его лжеверие и связь с дьяволом. Алессандро Калиостро (1743–1795) считается одним из основателей т.н. «египетского масонства» в Европе. В России его нередко изображали проходимцем, связанным с дьяволом. Например, в романе М.Н. Загоскина «Искуситель» (1838), время действия которого отнесено к самому началу XIX века, Калиостро выведен как полубезумный маг, имеющий сношение с чертом.

¹² Во время Московского похода солдаты наполеоновской армии столкнулись с особой религиозностью русских. Сын священника и офицер вюртембергского полка Х.Л. фон Иелин вспоминал, что в 1813 году во время его вынужденного путешествия вглубь России в качестве пленного крестьяне не дали похоронить одного из умерших французов, и когда их спросили о причине такого запрета, они «объяснили в ответ, что на нем нет креста на шее, значит он не христианин» [Фон Иелин, 2003, с. 197]. Зато среди мусульманского населения России

момент времени ректор Санкт-Петербургской духовной академии и настоятель новгородского Юрьева монастыря, в «Рассуждении о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне» (1813) обличительно назвал Наполеона «непорфирородным царем, возжелавшим быть еще непомазанным пророком» [Филарет, 1813, с. 7].

Среди иных литературных источников сращения «Наполеон-Магомет», которые могли повлиять на автора «Преступления и наказания», можно выделить роман Стендаля «Красное и черное» (1831), главный герой которого Жюльен Сорель, подобно Раскольникову, восторгался Наполеоном. «Исповедь» Ж.Ж. Руссо, собрание реляций великой армии и «Мемориал Святой Елены» Лас-Каза — «вот три книги, в которых заключался его Коран. Он готов был на смерть пойти за эти три книжки. Никаким другим книгам он не верил. Со слов старого полкового лекаря он считал, что все остальные книги на свете — сплошное вранье, и написаны они пройдохами, которым хотелось выслужиться» [Стендаль, 1959, т. 1, с. 65–66].

Примечательно, что Руссо, имя которого в «Преступлении и наказании» упоминает Разумихин [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 88], также воспринимался младшими современниками в качестве «кандидата в Магометы». К примеру, Н.М. Карамзин записал в «Письмах русского путешественника»: «Один молодой француз, восхищенный творениями Жан-Жака, вздумал проповедывать его учение в Азии и сочинил на арабском языке катехизис, который начинается так: “Что есть правда? Бог. Кто ложный пророк его? Магомет. Кто истинный? Руссо”» [Карамзин, 1964, т. 1, с. 496]. Стоит вспомнить, что и Наполеон, возжелавший поставить себя на место «истинного пророка», в юности считал себя учеником Руссо [Кротов, 2021, с. 87–101].

Другим литературным источником аналогии «Наполеон и Магомет» можно назвать роман А. Дюма «Граф Монте-Кристо» (отдельное издание, 1845–1846), который Достоевский читал и неоднократно упоминал в своих сочинениях [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 357; т. 19, с. 163]. В романе Дюма один из персонажей, помощник королевского прокурора де Вильфор говорит о Наполеоне

французы порой неожиданно сталкивались с подчеркнутым радушием. Тот же фон Иелин отмечает, что в татарской деревне Пензенской губернии местные мусульмане к ним отнеслись гораздо добрее, когда увидели, что они «не перекрестились, как русские», перед тем, как начать есть [Фон Иелин, 2003, с. 197].

следующее: «<...> у них [бонапартистов — *Н.П.*] есть одно качество, заменяющее все наши, — это фанатизм. Наполеон — Магомет Запада; для всех этих людей низкого происхождения, но необыкновенно честолюбивых, он не только законодатель и владыка, но еще и символ — символ равенства» [Дюма, 1990, т. 1, с. 67–68].

Кроме перечисленного выше, стоит упомянуть и цикл лекций английского историка Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1840), с которыми Достоевский был, вероятно, знаком¹³. Карлейль, весьма противоречиво рисуя портреты своих героев, увидел в Наполеоне «чудовищную помесь героя с шарлатаном», бóльшего «фанатика-лицемера», чем Кромвель, Магомет и подобные им люди [Карлейль, 1898, с. 332]. В его труде имена Наполеона и Магомета многократно упоминаются в одном ряду.

Наконец, нельзя не упомянуть и роман О. де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок» (1838–1847), в котором имена Наполеона и Магомета дважды поставлены рядом. Сперва о них говорится как о приверженцах фатализма: «Испанец, как видно, был фаталистом, подобно Наполеону, Магомету и многим другим великим политикам» [Бальзак, 1960, т. 10, с. 66]. Затем в предсмертном письме Люсьена Шардона де Рюбампре к «испанцу» — аббату Карлосу Эррера (Жаку Коллену) — эти имена иллюстрируют теорию героя о двух видах людей: «потомстве Авеля» и «потомстве Каина», которых можно соотнести с «обыкновенными» и «необыкновенными» людьми из статьи Раскольников. У последнего «“необыкновенный” человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199], а наиболее яркими представителями таких «властелинов» и «установителей» человечества названы Ликург, Солон, Магомет и Наполеон. Бальзаковский Люсьен описывает «потомков» первого в истории убийцы, Каина, более изощренно: «Люди эти опасны в обществе, как были бы опасны львы в равнинах Нормандии: им потребен корм, они пожирают мелкую человечину и поедают золото глупцов; игры их смерто-

¹³ Лекции Карлейля были опубликованы в журнале «Современник» в середине 1850-х годов и пользовались успехом в русском обществе [Лебедев, 1974, с. 136]. Как показал Б.Н. Тихомиров, знакомство с концепцией Т. Карлейля, изложенной в этих лекциях, определенно прослеживается в «Преступлении и наказании» [Тихомиров, 1992, с. 44–54].

носны, они кончаются гибелью смиренного пса, которого они взяли в товарищи и сделали своим кумиром. Когда бог того пожелает, эти таинственные существа становятся Моисеем, Аттилой, Карлом Великим, Магометом или Наполеоном; но когда он оставляет ржаветь на дне человеческого океана эти исполинские орудия своей воли, то в каком-то поколении рождаются Пугачев, Робеспьер, Лувель, или аббат Карлос Эррера. Одаренные безмерной властью над нежными душами, они притягивают их к себе и губят их» [Бальзак, 1960, т. 10, с. 412]. Как видим, в романе Бальзака использован несколько иной ряд великих людей, но заканчивают его, как и у Достоевского, всё те же Магомет и Наполеон.

Через сращение «Наполеон-Магомет» у героя Достоевского просматривается и соответствующий взгляд на человечество вообще, состоящее из материала («человека-подлеца», боящегося больше всего «нового шага и нового собственного слова» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6]) и человека, «право имеющего» этот материал употребить ради высшей цели устройства всего рода людского. Последний всеми способами стремится обосновать своё владычество над «материалом» («тварью дрожащей»), как бы беря на вооружение заключительные слова вольтеровского Магомета:

Хочу вселенною, как Бог владеть на век;
Исчезнет власть моя, коль узнан человек
[Вольтер, 1810, с. 80].

Впоследствии Максим Горький в пьесе «На дне» (1902) оттолкнулся от теории Раскольникова о сменяющих друг друга великих законодателях. «Магомет дал Коран, сказал: “Вот — закон! Делай, как написано тут!” Потом придет время — Коран будет мало... время даст свой закон, новый... Всякое время дает свой закон...», — говорит в пьесе слесарь Андрей Клещ [Максим Горький, 1970, с. 171]. Однако старому религиозному закону драматург нового времени противопоставляет другое понимание человека как самодостаточной правды, «освобожденной» от пут всяческой метафизики. Сатин патетически восклицает: «Человек может верить и не верить..., это его дело! Человек — свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (Очерчи-

вает пальцем в воздухе фигуру человека.) Понимаешь? Это — огромно! В этом все начала и концы... Всё в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо!» [Максим Горький, 1970, с. 177].

В последующих за «Преступлением и наказанием» романах Достоевского сближение Наполеона и Магомета присутствует имплицитно и связано с образами двух героев-эпилептиков. Так, в романе «Идиот» князь Мышкин косвенно соотносит себя и с Наполеоном, и с Магометом; а в «Братьях Карамазовых» почитатель Наполеона лакей Смердяков, сожалеющий, что Россия выиграла войну 1812 года, с помощью казуистики будет доказывать, что никакого греха в перемене христианской веры на магометанскую попросту нет.

Мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона и наполеоновская идея Родиона Раскольникова

Протоиерей Г.В. Флоровский в книге «Пути русского богословия» писал о «тайне Наполеона» у Достоевского как о, прежде всего, явлении мистическом, связанном с духовным рабством человека, попавшего под власть идеи покушения на чужую свободу: «Достоевский видит и изображает этот мистический распад самодовлеющего дерзновения, вырождающегося в дерзость и даже в мистическое озорство. Показывает, как пустая свобода ввергает в рабство, — страстям или идеям. И кто покушается на чужую свободу, тот и сам погибает. В этом тайна Раскольникова, “тайна Наполеона”. Но Достоевский не только показывает в образах эту диалектику идей-сил, как последнюю и интимную тему современной русской жизни. Он становится толкователем судеб того “случайного племени”, каким была радикальная интеллигенция 60-х годов, эти тогдашние “нигилисты”. И Достоевский хотел показать не столько внешний быт, сколько именно тайную судьбу этого “племени”, свершавшуюся в тогдашних борениях и спорах» [Флоровский, 2009, с. 377].

По мнению другого философа, Н.А. Бердяева, именно с нашего церковного раскола «начинается глубокое раздвоение в русской жизни и русской истории, внутренняя расколотость, которая будет продолжаться до русской революции. И многое тут находит свое объяснение. Это кризис русской мессианской идеи» [Бердяев, 2002, с. 22].

Одна из мощных линий в развитии мессианского движения в XIX веке была связана с почитанием или развенчанием Наполеона. В уже цитированном выше объявлении Святейшего Синода декабря 1806 года, император Франции был назван «неистовым врагом мира и благословенной тишины», который «еще во времена народного возмущения, свирепствовавшего во Франции во время Богопротивной революции» отложился «от Христианской веры, на сходбищах народных торжествовал учрежденные лжеумствующими Богоотступниками идолопоклоннические празднества и в сонме нечестивых сообщников своих воздавал поклонение, единому Всевышнему подобающее, истуканам, человеческим тварям и блудницам, идольским изображением для них служившим» [Шильдер, 2008, с. 397].

Такого рода идолом, вызывающим религиозное поклонение к тому времени давно стал и сам Наполеон. Л.В. Мельникова пишет, что «накануне Отечественной войны из Варшавского герцогства в русский северо-западный край посылались агенты, которые распространяли книги и брошюры с молитвами в честь Наполеона» [Мельникова, 2007, с. 90]. Религиозная пропаганда была одним из важнейших инструментов укрепления и распространения наполеоновского культа практически с самого начала правления Наполеона. «Уже в эпоху консульства один префект, держа речь, утверждал: “Бог создал Бонапарта и ушел отдыхать”. Майнцкий епископ провозглашал с церковной кафедры: “Пусть Земля молчит, пусть она в тишине слушает голос Наполеона”. А один проповедник объявил: “Какое счастье для Бога, что такая большая хвала воздается ему таким могучим гением”» [Вейдер, 1992, с. 150].

После заключения конкордата с римским папой под сводами соборов стала раздаваться молитва: «Боже, оберегай Республику. Боже, оберегай консула». Позже появился императорский катехизис, который объявлял Наполеона представителем Бога на земле и пропагандировал покорность императору. В нём, в частности, был такой вопрос: «Что нужно думать о тех, кто забывает свои обязанности перед императором?». Ответ гласил: «Согласно святому апостолу Павлу, они противятся порядку, установленному Богом» [Туган-Барановский, 1995, с. 177].

В период расцвета Первой империи «все 700–800 тысяч учеников начальных школ будут повторять, как молитву: “Мы обязаны... Наполеону I, нашему императору, любовью, уважением, повинове-

нием, верностью, военной службой, податями, налагаемыми ради сохранения и защиты Империи и его престола... Так как он тот, которого вызвал Бог в тяжелых обстоятельствах для восстановления публичного культа и святой религии наших отцов и для ее защиты”» [Иванов, 2006, с. 129–130].

Особенно сильным наполеоновский культ был среди поляков, которые видели в нем спасителя и будущего восстановителя своей государственности. Епископ вигрский Я.К. Голашевский в одной из своих проповедей «сравнил Польшу с телом, находившимся в летаргическом сне, а Наполеона с Иисусом Христом, готовым свершить чудо не физического, но политического воскрешения тела нации». При этом он назвал императора французов «воплощением Провидения и Предназначения» [Ададуrow, 2017, с. 81]. Как пишет В. Ададуrow, «культ императора был распространен в Великой армии, он процветал в польских частях, где распространилось сходное с религиозным чувство жертвенности перед величием Наполеона, воплощенное в девизе “с нами Бог и Наполеон”. Своего апогея этот культ достиг в начале кампании 1812 года, в Литве многие “принимали Наполеона за Бога на земле”. Очевидец вступления войск Наполеона в Вильну вспоминал, как в ответ на его замечание о наставшем в городе разноплеменном хаосе, один из экзальтированных патриотов бросился на него с кинжалом, сопроводив свое действие криком: “Умри, неверующий в могущество земного Бога и непостижимый его порядок!”» [Ададуrow, 2017, с. 81–82]. 7 июля 1812 года Комиссия Временного правительства Великого княжества Литовского предписала «духовенству приносить вместе с народом моления Всевышнему, благодаря за прибытие Избавителя всей Польши и молясь о дальнейших успехах его армии» [Земцов, 2018, с. 53]. Позднее наполеоновский миф проник и в польскую литературу — один из выдающихся польских писателей Адам Мицкевич так оценил след Наполеона в сознании современников: «Наполеоновская идея провозглашает первую обязанностью человека стать героем (каждый в своей области)... На языке народа тот, кто отличается в своей специальности, зовется Наполеоном своего дела. В этом смысле не употребляли ни имени Цезаря, ни имени Александра Великого» [Козловский, 1912б, с. 206].

Вторжение Великой армии в 1812 году в Россию проходило по многим старообрядческим местам [Боченков, 2013, с. 161]. Федосеевская секта раскольников-беспоповцев и вовсе, по некоторым

свидетельствам, признала над собой власть императора Наполеона. Как писал публицист, служащий Министерства внутренних дел Федор Ливанов в своем сочинении «Раскольники и острожники», с вступлением Наполеона в Москву община Преображенского кладбища снарядила посольство к французам для изъявления покорности их императору: «Между тем двигалось от Преображенской заставы посольство федосеевцев, с *предательской* покорностью врагу... Огромной величины бык с веревкой на шее, веденный двумя сторожами федосеевцами, открывал шествие по улицам Москвы, по направлению к Кремлю. За быком шел посланный, окруженный федосеевцами же, с глубокою тарелкою, наполненною золотыми червонцами... Москва с утра еще была разделена Наполеоном между назначенными им новыми правителями: маршал Мортье считался уже губернатором столицы, генерал Дюронель комендантом, Лессепс правителем Московской губернии. Весь народ до последнего русского был уже выгнан из Кремля. В это время “посольство” пустосвятов предстало пред коменданта Дюронеля и, чрез воспитанника матроской богадельни, выбранного для разговора на французском языке, объяснило, что общество древних христиан, угнетаемое правительством, но имеющее по всей России своих единоверцев, к числу которых принадлежит весь почти русский народ (разумеется, тут была крайняя ложь!), покоряясь Наполеону, как избавителю их, просит его величество повелеть оградить их монастырь (мостыль, как они его называли) от всех военных насилий и, уповая на милосердие, признает его своим государем» [Ливанов, 1872, с. 129–130].

Позднее, как пишет Ф.В. Ливанов, «Наполеону была передана весьма подробна речь посланников от “Преображенского кладбища”, предложивших золото и быка *новому царю России...* и вот он, вспомнив об этом, лестном для него посольстве, хвастливо объявившем, что к вере пустосвятов федосеевцев принадлежит почти весь русский народ в России, в сопровождении неаполитанского короля и своей свиты, вздумал, через две недели по вступлении в Москву, посетить лично Преображенское кладбище» (см. *Илл. 2*) [Ливанов, 1872, с. 130]. Ливанов отмечает, что *федосеевцы* встретили французского императора, стоя в грязи на коленях и простирая к нему «верноподданнические руки», и что *преображенцы* «вышли ему на встречу с изменническим хлебом и солью, которые поднес Наполеону стоявший впереди всех Алексей Никифоров» [Ливанов, 1872, с. 130].

Илл. 2. И.М. Львов. «Депутация старообрядцев Преображенского кладбища к Наполеону». Изд. И.Е. Селин. Москва, 1912. Об этой открытке писал В. Боченков [Боченков, 2013, с. 171].

Fig. 2. I.M. Lvov. *A Deputation of the Old Believers of Preobrazhensky Cemetery to Napoleon*. Ed. I.E. Selin. Moscow, 1912. V. Bochenkov wrote about this postcard [Боченков, 2013, с. 171].

Особое отношение русских раскольников к личности Наполеона Бонапарта отмечал и генерал-губернатор Москвы граф Ф.В. Ростопчин в донесениях императору Александру I. Так, в письме от 1 октября 1812 года он заявляет: «Не взирая на болезнь, я собрал здесь много сведений о Москве и о Бонапарте. <...> В одной прокламации он называет меня огненной пастью. Состоящие у него на службе купцы суть: Коробов, человек подозрительный еще во время императора Павла, негодяй Бакинин, раскольник Лежанов и Кольчугин, сосланный при Импер. Екатерине в одно время с Новиковым. Раскольники пользуются его покровительством, и у меня есть перечень домам, состоящим под охраню французов» [Ростопчин, 2014, с. 559–560]. В другом письме к Александру I от 22 июня 1814 года Ростопчин отмечает, что даже после освобождения России и разгрома Наполеона в народе идет брожение под влиянием различных преданных ему сектантов: «Нельзя освоиться с мыслью, что Бонапарт жив и царствует на острове Эльбе. Впечатление его прошлых успехов слишком

сильно, чтобы быть искоренено, и оно постоянно поддерживается энтузиастами, т.е. иллюминатами, мартинистами и раскольниками. Последние внушают свои мысли простому народу» [Наполеон в России, 2004, с. 105].

В своем сочинении «Картина Франции 1823 года», написанном уже после смерти Наполеона и представленном императору Александру I, Ростопчин вновь отмечал, что опасность от сектантов-бонапартистов никуда не делась. По его словам, «французские либералы везде имеют своих агентов. <...> Либералы находятся в тесных сношениях с поляками, которые чтут память Бонапарта и сочувствуют французам, употребляющим их в свою пользу. В России они в сношениях с раскольниками, которые, в свою очередь, тесно связаны с мартинистами, с членами Библейского общества и в братской связи с донскими казаками. Эти сношения возникли еще во времена Наполеона, когда он готовился к своему нашествию на Россию, и Де-Лорн, который пробыл два года в Москве и впоследствии сопровождал Бонапарта во время похода 1812 г., имел тайные свидания с Ильей Алексеевым, патриархом раскольников, и когда неприятель вступил в Москву, то немедленно была приставлена охранительная стража к главному убежищу староверов, так что они не подвергались ни малейшему грабежу, и даже особая от них депутация удостоилась быть лично принятой Наполеоном» [Ростопчин, 2014, с. 175]. Тут важно заметить, что донесения Ростопчина нередко были плодом его фантазии, всюду ищущей заговорщиков и шпионов, и, как опытный царедворец, он пытался уловить настроение императора. Известно, что от его вельможного рвения пострадало немало невинных, случайных людей [Шаламов, 2018, с. 326].

Стоит заметить, что «раскольниками» в широком смысле могут быть названы в том числе и православные священники, присягнувшие на верность «безбожному» императору французов или восхваляющие его в своих проповедях. Такие случаи были далеко не единичными. К примеру, генерал Ф.П. де Сегюр в своих мемуарах упоминает одного русского священника в Смоленске, который поначалу упрекал Наполеона за «осквернение святынь», но после разговора с ним пошел успокаивать свою паству и даже якобы отслужил в честь французского императора благодарственный молебен [Промыслов, 2016, с. 211]. Однако наиболее известным случаем церковного «рenegатства» была измена Могилевского архиепископа Варлаама (Шишацкого), который не только сам принес присягу на

верность Наполеону в начале войны, но и побудил к этому вверенное ему духовенство (согласно следственному делу, его призыву последовали до двух третей духовенства епархии [Мельникова, 2007, с. 95]). Точное число священников, присягнувших Наполеону, неизвестно, но историк С.Л. Фирсов отмечает, что только «в Могилевской и Витебской епархиях в 1829 году (т.е. через 17 лет после изгнания Наполеона из России — *Н.П.*) оставалось 45 служивших священников, бывших под судом за принесение присяги Наполеону I» [Фирсов, 2021, с. 394].

Историк церкви Андрей Хойнацкий объяснял принесение такой присяги архиепископом Варлаамом, главным образом, тем, что тот подпал под «обаяние имени Наполеона», которое «разделяли в то время едва ли не большинство лучших умов в Европе» и которое «было достоянием многих и у нас в России» [Мельникова, 2007, с. 91]. Надо заметить, что речь тут идет не о простом факте присяги и повиновения оккупантам, но и о праздновании дня рождения Наполеона (15 августа) и его супруги, императрицы Марии-Луизы, чтении проповедей в честь Наполеона (автором одной из них был сам Варлаам) [Мельникова, 2007, с. 95] и т.п. В проповеди Варлаама о Наполеоне содержались, к примеру, такие слова: «На ком более действует Всевышний Промысел, как не на великом Наполеоне? Предприятия его чрезвычайны, подвиги велики, дела пресловуты; события дальновидных его намерений приводят в удивление всю вселенную!!!» [Мельникова, 2007, с. 98].

Колоссальное влияние Наполеона на российское послевоенное общество отмечалось многими современниками. Известный архимандрит, настоятель Юрьева монастыря в Новгороде Фотий (Спаский), имевший одно время близкое общение с императором Александром I, называл деятельность «еретиков, раскольников и тайных обществ» в России — «духовным Наполеоном». В письме к Александру I от 29 апреля 1824 года он призывал уничтожить Министерство духовных дел и Библейское общество, объясняя это следующими мотивами: «От 1812 года до сего 1824 ровно 12 лет: Бог победил видимого Наполеона, вторгшегося в Россию: да победит Он и духовного Наполеона лицом твоим, коего можешь ты, Господу содействующу, победить в три минуты чертою пера» [Фотий, 2010, с. 373]. В другом своем послании «О действиях тайных обществ на Россию через Библейское общество» от 14 июня 1824 года Фотий писал, что «Библейское общество виною есть, что многие оставили

святые церкви, под видом чтения Библии начали открыто собираться в домах; по деревням малаканы, раскольники, субботники (т.е. жидовщина) дали открытый ход своим сборищам, имея агентов и ходатаев себе во всем С.-Петербурге». В финале он патетически восклицал: «Горе великое на Россию грядет, если не затворится дверь расколам и реформе, чрез Библейское общество отверзстая. Дьявол, яко же лев рыкая, ходит, иский кого поглотити под предлогом Библейского общества чрез влияние тайных обществ» [Фотий, 2010, с. 381–382].

Обличения Фотия отражали распространенную в то время конспирологическую теорию, что главным источником смуты в странах Европы, начиная с устройства Революции во Франции 1789 года, был заговор тайного общества иллюминатов, к числу которых якобы принадлежал и сам Наполеон [Пыпин, 2000, с. 247]. О тесной связи Наполеона с иллюминатами и тянущемся от них «масонском заговоре» среди представителей правящей элиты Российской империи доносил в 1831 году масон и мистик Андрей Голицын императору Николаю I. Он, в частности, причислял к иллюминатам и таких видных сановников, как М.М. Сперанский и князь А.Н. Голицын, бывший в александровское царствование министром духовных дел и народного просвещения и инициатором создания Библейского общества [Кондаков, 2012, с. 55].

В доносе Андрея Голицына также сообщалось, что еще в 1808 году Наполеоном были собраны и посланы к основателю ордена иллюминатов Адаму Вейсгаупту множества разных Агентов обоего пола, приготовленных в России в Учителя, Профессоры, Гувернеры, в Актеры, Лекаря, купцы и проч.» [Гордин, 2015, с. 186]. Нельзя сказать, что подобные доносы были полностью лишены оснований, но в них, разумеется, превратно интерпретировались известные факты и расхожие фобии. Так, крупнейший современный историк русского масонства А.И. Серков пишет, что и на самом деле в 1809–1810 годах, то есть во времена вынужденного российско-французского союза, Наполеон по просьбе Александра I направил в Россию необходимых специалистов (инженеров, докторов медицины и проч.), многие из которых были вольными каменщиками [Серков, 2000, с. 69]. В канун и особенно после вторжения Наполеона в Россию отношение к ним властей стало предельно подозрительным.

В 1822 году, как известно, император Александр I запретил в стране все тайные общества. В рескрипте «О уничтожении Масон-

ских лож и всяких тайных обществ», поданном на имя управляющего Министерством внутренних дел графа В.П. Кочубея, в частности, говорилось: «Все тайные общества под какими бы наименованиями они не существовали, как то: Массонских лож или другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять» [ПСЗРИ, 1830, с. 579]. Чинovníки, состоявшие в масонских ложах, были обязаны отречься от них или лишиться всех государственных должностей: «От принадлежащих к оним взять особую подписку, что они впредь принадлежать уже к ним не будут; если же кто такового обязательства дать не пожелает, тот не должен остаться в службе» [ПСЗРИ, 1830, с. 580]. В том же году императором было запрещено и строить любые новые «раскольничьи церкви, молитвенные дома и часовни» [Зазулина, 2019, с. 173].

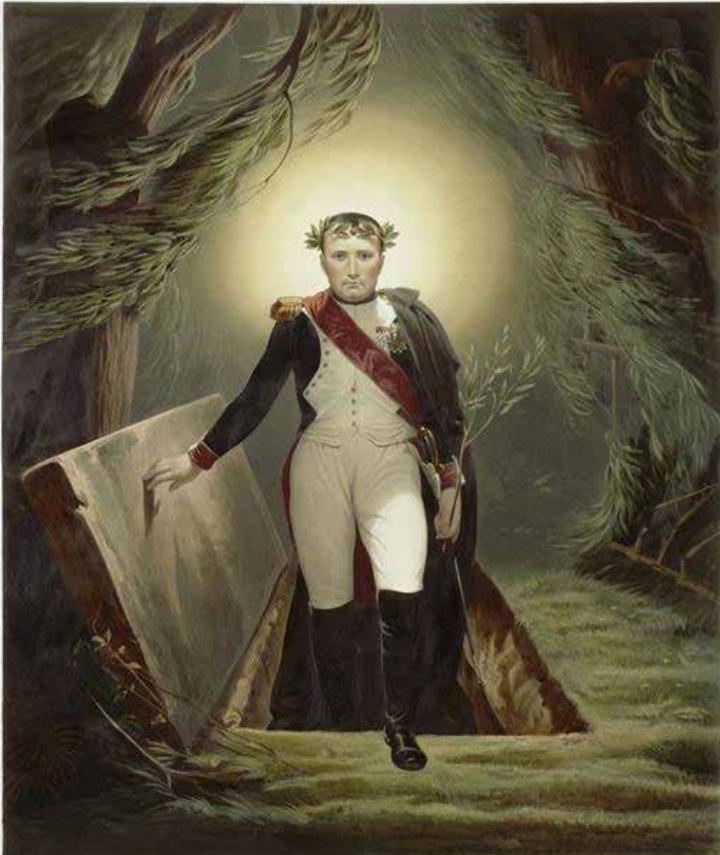
Несмотря на это именно в 1820-е годы, если верить косвенным источникам, в России оформилось и вполне конкретное тайное общество раскольников-почитателей Наполеона, которые поклонялись ему как некоему божеству. О существовании этой секты было лишь кратко упомянуто в комментарии к «Преступлению и наказанию» в седьмом томе Полного академического собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30 т. [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 345]. Комментатор Г.М. Фридендер сделал отсылку к труду П.И. Мельникова-Печерского «Письма о расколе» (1862), в котором лишь говорится о факте существования некоей секты раскольников, обозначенной как «наполеоновые». Они были поставлены автором в один ряд с другими «богомильскими» сектами: фарисеев, богомоллов, лядов, купидонов, лазаревщиной, шелапутов, адамитов (Татариновой), милютинской ересью, искателей Христа (ползунов, холстовщиной), духовных скопцов и проч. [Мельников, 1862, с. 72].

Описания такого рода «наполеоновских» сект, а, по всей видимости, речь может идти не об одной секте «раскольников», но о нескольких тайных обществах, объединенных духовным служением Наполеону, но называвшихся по-разному (наполеоновые, наполеониты, наполеоновщина и проч.) и действовавших в разных регионах империи, сохранились в работах исследователей русского раскола XIX века: Н.В. Варадинова [Варадинов, 1863], Г. Протопопова [Протопопов, 1867], И.П. Липранди [Липранди, 1868; Липранди, 1883]. Последний, в числе прочего, был известен своим участием в войнах с Наполеоном 1812–1814 годов и активной деятельностью по раскрытию кружка петрашевцев.

Одним из основных источников сведений о русской «наполеоновской» секте было дело тайной полиции о ней 1853–1854 годов [Варадинов, 1863, с. 655], которое хранилось в Департаменте общих дел Министерства внутренних дел. В настоящее время оно значится «выбывшим», и установить его местонахождение не удалось [Панченко, 2004, с. 234]. Г. Протопопов отнёс секту «наполеонитов» к «грубо-мистическим» русским сектам (хлысты, скопцы, скакуны и монтаны), которые он отделял от «мистико-рационалистических» сект («молокане, общие, духоборы и немоялки») [Протопопов, 1867, с. 91]. По его наблюдению, представители первого типа сектантства «представляют свое общение с Божеством слишком уж тесным, доходящим до вселения в людей самого Божества, до отождествления себя с Богом» [Протопопов, 1867, с. 91].

Доктор права Н.В. Варадинов так описал верования этой секты: «В Москве возникла секта Наполеоновская: последователи ее (особенная отрасль хлыстов) поклонялись бюсту Наполеона, как скопцы портрету Селиванова, собирались с большою тайною в особой комнатке, всегда запертой; при входе в эту комнату они кланялись бюсту Наполеона, садились за стол, читали и толковали о Наполеоне, говоря, что со смертью его кончился век и люди стали мучиться, а не жить; таким образом проводили по несколько часов; сборища их бывали ночью пред праздниками; Наполеона почитали выше всех святых, приводя в доказательство, что прибытие его в Россию ознаменовано явлением звезды, которая являлась только еще раз при Рождестве Иисуса Христа; они имели гравюры, представляющие Наполеона возносящегося на небо; в 1853 г. два наставника секты умерли и сборища последователей ее прекратились. Было тогда высказано мнение, что секта эта ведет свое начало, с 1847 г., из Псковской губернии или Белостока. Более ничего не было раскрыто» [Варадинов, 1863, с. 655].

Однако сразу же после этих слов о «наполеоновской» секте Варадинов приводит другой, не менее интересный рассказ об одном сектанте-убийце: «Изуверство раскольников обнаружилось в одном случае самым ужасным образом: помещичий крестьянин Тамбовской губернии убил топором другого крестьянина в том веровании, что надобно иметь грех и потрудиться, чтобы наследовать царствие небесное; из грехов он избрал убийство, чтобы получить в этом мире наказание и труды, чем надеялся блаженствовать в будущей жизни, и два года искал случая к убийству» [Варадинов, 1863, с. 655]. Близ-

Илл. 3. «Наполеон поднимается из гроба». Картина Ораса Верне, 1860 г.

Fig. 3. Horace Vernet. *Napoleon Rising from His Tomb*. 1860.

кое соседство двух этих рассказов побуждает по-новому взглянуть и на драму несостоявшегося «Наполеона» Родиона Раскольникова, духовное возрождение которого парадоксальным образом как будто становится возможным лишь после того, как он всё же решается на убийство и совершает его при помощи топора. Только после этого герой начинает сознавать, что сам он «не так сделан», как «настоящий властелин, кому всё разрешается», и что на нем не бронза, а тело [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211]. Только после убийства герой сможет и встретиться лицом к лицу с Соней (Софией – мудростью), которая в один из вечеров будет читать ему евангельский рассказ о воскрешении Лазаря.

А вот как в 1853 году описал «наполеоновскую» секту деятель тайной полиции Иван Липранди. Он, в отличие от Варадинова, немного касается и предыстории ее появления в Москве: «Наполеоновщина — секта поклонников Наполеона проявилась еще в 1820 году в Белостоке и в городе Пскове, а в 1844 году она показывается уже в Москве из среды хлыстовщины и некоторых толков беспоповщины. Поклонники Наполеона в Москве собираются с большою тайною в особенный каменный дом среди города, принадлежащий одному из сектаторов. Два главных наставника этого учения после совершения некоторых обрядов и пророчеств, поклоняются бюсту Наполеона, как божеству, точно так как скопцы делают пред портретом Селиванова, и как хлысты пред изображением своего бога Данилы Филипповича и Иисуса Ивана Тимофеевича» [Липранди, 1883, с. 46–47].

Липранди также отмечал, что «из дела видно, что скопцы настоящие и духовные верят, что будто бы и Наполеон, подобно в бозе почивающему императору Петру III, жив, и что они оба в скором времени должны прибыть из Иркутска: последний управлять государством, а первый начальствовать над правоверными полками для восстановления разрушенного порядка. Верование это сильно вкоренено в эту ересь. У хлыстов проявляется иногда та же мысль, но только относительно Наполеона» [Липранди, 1883, с. 47]. Описания, полученные от агентов Третьего отделения, удивляли самого автора. «Нельзя не заметить странности этого обстоятельства: в Москве образовалась религиозная секта поклонников Наполеону!» [Липранди, 1883, с. 48] — восклицал он.

В более поздней публикации «О секте Татариновой» Липранди немного дополняет и уточняет свой прежний рассказ. Он утверждает, что секта «Поклонников Наполеону» замечательна тем, что возникла одновременно у русских и католиков, и что в 1846 году члены московской секты «Наполеоновщина» поставили к бюсту «заказанную ими в Париже гравюру самой изящной отделки», изображающую вознесение Наполеона на небо [Липранди, 1868, с. 50]. Два экземпляра этой гравюры автор как-то сумел достать, но никаких подробностей насчет самого изображения не приводит. Отмечает лишь то, что «изображения эти отпечатаны на самой тонкой почтовой бумаге, для удобства получения таковых помимо цензуры, так что, будучи помещены между листов в книгах и атласах, они легко ускользают от наблюдающих в таможне, и так доставляются книгопродавцам, которые уже и передают оные выписывающему

лицу, а это [т] распределяет их тотчас между теми, которым нужно» [Липранди, 1883, с. 48].

Илл. 4. Альбрехт Адам (1786-1862). Картина «Апофеоз Наполеона». 1824 г. Музей истории религии, Санкт-Петербург.

Fig. 4. Albrecht Adam (1786-1862). *The Apotheosis of Napoleon*. 1824, Museum of the History of Religion, St. Petersburg.

Место же тайных собраний «сектаторов Наполеоновщины» и имена их «главных учителей» были, по словам Липранди, открыты в доносе одного из московских беспоповцев, «известного богача-фабриканта», знакомого с самим министром внутренних дел графом Л.А. Перовским [Липранди, 1868, с. 50]. При последнем, однако, по мнению Липранди, дело в отношении надзора за «Наполеоновщиной» продвигалось медленно, и пришло к развязке лишь после того, как в 1852 году Перовского на посту министра сменил Д.Г. Бибииков.

Вызывает интерес и обозначенная Липранди связь «Наполеоновщины» с хлыстами, а через них — с масонами. Говоря о «даре пророчества», как об одном из важнейших в верованиях сектантов, историк и деятель тайной полиции отмечает, что в давно устоявшиеся ритуалы и сложившиеся духовные песни наиболее образованными членами (не простолюдинами) привносятся примеси «идей и поня-

тий нового европейского образования, заимствованных у иллюминатов и, так называвшихся мартинистов, а также и у масонов, от чего, без сомнения, хлысты ныне часто и называются в простонародии фармазонами, т.е. франк-масонами» [Липранди, 1868, с. 49–50].

Безусловно, все эти сведения, полученные в виде доносов от неназванных агентов из третьих рук не могут не вызывать критического к себе отношения, поскольку были сделаны с понятной целью не изучить явление таким, каково оно есть, но выявить потенциальную крамолу и опасную ересь. Тот же Липранди опасался, что из среды сектантов может выйти какой-нибудь новоявленный «пророк», который быстро увлечет и поведет за собой малограмотные толпы народа. «Пророк, одаренный умом, пропитанный нынешним духом времени, легко может произвести беспорядок, в особенности ныне, когда Россию обсемили живою пропагандой в лицах сосланных поляков, не говоря уже о каторжных, которые недавно заявили себя в Сибири мятежом», — писал он [Липранди, 1868, с. 47–48]. Характерно, что в «Записках из Мертвого дома» (1861–1862) Ф.М. Достоевского бывший каторжник Александр Горянчиков, от лица которого ведется повествование, вспоминает, что в остроге один из грамотных арестантов Петров специально расспрашивал его о Наполеоне, пытаясь выяснить, не родня ли нынешний правитель Франции тому Наполеону, «что в двенадцатом году был»? [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 83]. Возможно, что писатель и сам столкнулся на каторге с повышенным интересом сидельцев к фигуре Наполеона, опосредованно отразив это в своих «Записках».

Что из себя на самом деле представляла загадочная наполеоновская секта (или несколько сект?), мы не знаем, поскольку никто из ее участников не оставил на этот счет никаких рассказов. С уверенностью можно сказать лишь то, что в основе культа секты лежало почитание Наполеона как своего рода пророка и Мессии. Представления о Наполеоне, как о чрезвычайно религиозном человеке, отмеченном благословением свыше, могли подпитываться и массовой литературой того времени. Например, один из сборников анекдотов о Наполеоне 1843 года открывался разделом «Религиозное чувство Наполеона», в котором говорилось о его *священных добродетелях*: «Наполеон вошел в Милан при восклицаниях многочисленного народа, который с восторгом смотрел на своего избавителя; все воссылали благодарность к Небу, пели *Te Deum*, при чем был и Наполеон. В письме своем к обоим консулам говорил он

так: “Несмотря на мнение, какое будут иметь обо мне парижские атеисты, я буду завтра присутствовать при пении *Te Deum*, которое будет совершаться в кафедральной церкви здешнего города”. Слова драгоценные и утешительные, которые будут сохранены в истории, и которые доказывают, что Наполеон верил и повиновался Провидению, которое разделяет свои дары между известным числом людей, чтоб осчастливить человечество, вселенную, и украсить века... Оно производить героев и победителей, вручает им ветвь победы, решает жребий браней, утверждает, ослабляет и разрушает царства, и дает народам правителей. Станем удивляться священным добродетелям Наполеона; они заслуживают быть известными во всех пределах земли» [Анекдоты Наполеона, 1843, с. 32–33].

Такого рода книги оказывали влияние на формирование общественного восприятия Наполеона, особенно среди тех, кто по каким-то причинам не доверял «официальной» версии истории, продвигаемой и «насаждаемой» светскими и церковными властями как единственно правильной. К таким «диссидентам», несомненно, относились и угнетаемые в Российской империи «раскольники» разных толков, которые могли из чувства противоречия воспринимать Наполеона не как антихриста¹⁴, а как пророка и спасителя. Современный исследователь русского раскола Александр Панченко предполагает, что культ «наполеоновской» секты, «по-видимому, включал и какие-то экстатические элементы. Возможно, впрочем, что политическая мифология этой секты генетически восходит к скопческой адаптации сюжета о скрывающемся императоре», — пишет исследователь [Панченко, 2004, с. 198].

Указанный Панченко сюжет о скрывающемся императоре важен и в свете истории пугачевского бунта 1773–1775 года, главный зачинщик которого выдавал себя за российского императора Петра III. Фигуры Емельяна Пугачева и Наполеона, как показал

¹⁴ В данной статье нас, главным образом, интересуют те раскольнические секты, которые видели для себя в Наполеоне «избавителя». Наряду с этим, в российском старообрядчестве, разумеется, существовало и гораздо чаще культивировалось представление о Наполеоне как об антихристе. В ряде эсхатологических сочинений староверов «Наполеон (Аполион) фигурировал, в частности, как “царь Аввадон, а по-елински — Аполион, по-гречески — Бонапарт, а по-словенски и российски — Антихрист”» [Романюк, 2013, с. 67]. О старообрядческом варианте антинаполеоновского мифа также писала Л.И. Сазонова, отмечавшая, что «На эсхатологические построения старообрядцев, как известно, заметное влияние оказали сочинения немецкого протестантского писателя-мистика Иоганна Генриха Юнга-Штиллинга (1740–1817), который под влиянием революционных событий во Франции высказал мысль о скором конце мира и грядущей схватке с антихристом. В войнах Наполеона он видел антихристов поход с Запада на Восток» [Сазонова, 2012, с. 48].

В.А. Кошелев, были сближены в цикле «Писем из Москвы в Нижний Новгород» И.М. Муравьева-Апостола (1813–1815) и в творчестве А.С. Пушкина [Кошелев, 2003]. Характерно, что в войну 1812 года в народе снова оказалась актуализирована легенда о царе-самозванце, и получили хождение слухи, что Наполеон Бонапарт есть не кто иной, как тайный сын императрицы Екатерины II, который вернулся, чтобы дать своим подданным волю¹⁵. Московский градоначальник Ф.В. Ростопчин считал, что сей «ядовитый слушок» был распушен с легкой руки какого-то масона («мартиниста») [Ислюль, 2017, с. 376]. Впрочем, Ростопчин, как уже говорилось, обвинял в подрывной антигосударственной деятельности многих — и либералов, и масонов, и мартинистов, и раскольников.

Примечательно, что одним из двойников-заместителей Родиона Раскольникова в романе Достоевского является раскольник Миколка из той же Рязанской губернии, где проживали мать и сестра главного героя [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 27, 106]. Вот как описывает Миколку Порфирий Петрович: «А известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роде бегуны бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне, у некоего старца под духовным началом был. Всё это я от Миколки и от зарайских его узнал. Да куды! просто в пустыню бежать хотел! Рвение имел, по ночам Богу молился, книги старые, “истинные” читал и зачитывался» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 347]. По характеристике исследователя русского раскола Ф.В. Ливанова, Рязанская губерния, откуда происходил родом Миколка, была издавна заражена религиозным вольномыслием: «Географическое положение Рязанской губернии между юго-восточным краем и Москвою давало важное значение ее путям сообщения издавна, и “Астраханский тракт” здесь был самый древнейший и удобнейший, по которому шли пропагандисты всякого рода политические и религиозные из Москвы; топография же уездов Зарайского и Егорьевско-

¹⁵ Слухи о том, что Наполеон хочет «завоевать Россию», чтобы «сделать всех вольными», фиксировались в русском обществе уже в 1806 году [Дубровин, 1895, с. 25]. О распространении в 1805–1807 годах взглядов на Наполеона, как на избавителя, также писал и К.В. Чистов, хотя и ошибочно полагая, что «впоследствии под влиянием событий Отечественной войны и официальной пропаганды сложилась противоположная по своему смыслу апокалипсическая легенда о Наполеоне (Аполлионе)-“антихристе”, совершенно вытеснившая легенду о Наполеоне-“избавителе”» [Чистов, 2003, С. 234–235]. На самом деле обе легенды сложились уже к 1806 году и далее существовали одновременно друг с другом, не отменяя, но подпитывая друг друга.

го способствовала, как нельзя больше, укрывательству здесь всякому вольномыслию» [Ливанов, 1870, с. 513–514].

В граничащей с Московской Рязанской губернии, вполне могли распространиться и какие-то известия о наполеоновской секте, которая была обнаружена в Москве почти одновременно с рождением Раскольникова в 1840-е годы. Раскольник Миколка, который берёт на себя вину Раскольникова, невольно претендует тем самым и на место последнего в качестве потенциального мессии, которому всё разрешается ради целей высшего порядка, ибо убийство старухи в романе рассматривается именно как становление нового Наполеона. Достоевский мог обыграть такое оригинальное явление как культ Наполеона у русских раскольников при создании истории своего героя, наделенного соответствующей фамилией, чтобы придать роману дополнительную историко-культурную глубину.

Французский писатель-мистик Леон Блуа в своем эссе «Душа Наполеона» (1912) отмечал, что «Наполеон — это лик Божий в мировой тьме» [Блуа, 2005, с. 203], и что «Наполеон, несомненно, — самый явный Его образ, который только возможно созерцать в истории» [Блуа, 2005, с. 211]. Достоевский, родившийся в год смерти Наполеона, безусловно, также был поражен мощью воздействия этого легендарного имени на умы современников. Недаром проницательнейший следователь Порфирий Петрович говорит Родиону Раскольникову: «<...> кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 27, 204]. Это «теперь» применительно к середине 1860-х годов тем более удивительно, что пик подражания Наполеону в России, казалось бы, был пройден в первой половине XIX столетия. Тем не менее, Достоевский до конца жизни продолжал разрабатывать наполеоновский миф в своих произведениях, видя в нем огромный потенциал для изучения современного ему российского человека — мечтателя, идеолога, подпольного парадоксалиста, фантазёра, сектанта — неумоимо пытающегося найти через сравнение с Наполеоном себя и определить, в чем же на самом деле состоит его истинное могущество и призвание.

Список литературы

1. Абд ар-рахман Ал-джабарти, 1962 — *Абд ар-рахман Ал-джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / пер., предисл. и прим. И.М. Фильштинского. М.: Изд-во восточной лит., 1962. 540 с.
2. Ададунов, 2017 — *Ададунов В.* Война цивилизаций: Социокультурная история русского похода Наполеона. Киев: Лаурус, 2017. Т. 1: Религия — Язык. 400 с.
3. Алексеев, 2013 — *Алексеев П.В.* Мусульманский Восток в поэтике Ф.М. Достоевского // Вестник ОмГУ. 2013. №4 (70). С. 298–301.
4. Анекдоты Наполеона, 1843 — Анекдоты Наполеона, с очерком его жизни, коронации, погребения, духовного завещания; поэтические воззвания его к войску и письма к разным известным особам Европы / собрал А.С. М.: Тип. Николая Степанова, 1843. Ч. 1. 91 с.
5. Артамонова, 2021 — *Артамонова И.В.* Миф о Наполеоне в русской классике XIX века (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь): монография. М.: ИНФРА-М, 2021. 170 с.
6. Бальзак, 1960 — *Бальзак О. де*. Собр. соч.: в 24 т. / сост. Д.Д. Обломиевский. М.: Правда, 1960.
7. Бердяев, 2002 — *Бердяев Н.А.* Русская идея / сост., вступ. ст. и примеч. М.А. Блюменкранца. Харьков; М.: Фолио, АСТ, 2002. 624 с.
8. Благой, 1972 — *Благой Д.Д.* Достоевский и Пушкин // Достоевский — художник и мыслитель. Сборник статей. М.: Худож. лит., 1972. С. 344–426.
9. Борисова, 1991 — *Борисова В.В.* Синтезизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф.М. Достоевского (Библия и Коран) // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза / под ред. Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1991. С. 63–87.
10. Борисова, 1997 — *Борисова В.В.* «Тварь дрожащая» // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников. Челябинск: ЧелГУ, 1997. С. 118.
11. Бочаров, 2002 — *Бочаров С.Г.* «Ты человечество презрел» Об одном сюжете русской литературы и его актуальности // Новый мир. 2002. №8. С. 141–153.
12. Боченков, 2013 — *Боченков В.* Староверы в войне 1812 года // Москва. 2013. № 8. С. 160–174.
13. Бурьенн, 1834 — *Бурьенн Л.А.Ф. де*. Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов: в 10 ч. СПб.: Тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1834. Т. 1. Ч. 2 / пер. с франц. С. де Шаплет. 349 с.
14. Варадинов, 1863 — *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1863. Кн. 8: История распоряжений по расколу. 656 с.
15. Вейдер, 1992 — *Вейдер Б., Хэнзуд Д.* Блистательный Бонапарт. Кто убил Наполеона? / пер. с франц. и англ. Н.А. Наставиной и В.Б. Рыбакова; предисл. и примеч. В.Б. Рыбакова; ред.-сост. В.Е. Качанов. М.: Международные отношения, 1992. 349 с.
16. Вестник Европы, 1802а — Вестник Европы, 1802. №2. 95 с.
17. Вестник Европы, 1802б — Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: Университетская Тип., 1802. Ч. III. 367 с.
18. Вестник Европы, 1806 — Вестник Европы, издаваемый Михайлом Каченовским. М.: Университетской Тип., 1806. Ч. XXVIII. 320 с.

19. Вольтер, 1810 — *Вольтер*. Магомет. Трагедия в пяти действиях / пер. П.С. Потемкина. 2-е изд. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1810. 80 с.
20. Вольтер, 1828 — *Вольтер*. Магомет, Трагедия в пяти действиях в стихах. Сочинение Вольтера / пер. Николай Остолопов в 1827 году. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1828. 8 с., 77 с.
21. Вольтер, 1947 — *Вольтер*. Магомет / пер. с франц. С. Боброва // *Вольтер*. Избранные произведения. М.: Гос. Изд-во худож. лит., 1947. 644 с.
22. Вольтер, 1957 — *Вольтер*. Магомет, или фанатизм / пер. с франц. В. Луговского и А. Голембы // Французский театр эпохи Просвещения. Сборник пьес. М.: Искусство, 1957. Т. 1 / под ред. Н. Любимова. 486 с.
23. Всеволодский-Гернгросс, 2012 — *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Театр в России в эпоху Отечественной войны / авт. вступ. ст., коммент. указ. В.А. Харламова. СПб.: Чистый лист, 2012. 248 с.
24. Глинка, 1816 — *Глинка С.Н.* Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта, выбранные из разных французских книг, вновь вышедших, и изданные Сергеем Глинкою. М.: Тип. С. Селивановского, 1816. 94 с.
25. Глинка, 1895 — *Глинка С.Н.* Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб.: Издание редакции журнала «Русская старина», 1895. 380 с.
26. Гордин, 2015 — *Гордин Я.* Дело о масонском заговоре, или Мистики и охранители. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Вита Нова, 2015. 496 с.
27. Гуминский, 2002 — *Гуминский В.М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. 2002. № 3. С. 216–232.
28. Давыдов, 1962 — *Давыдов Д.* Материалы для современной военной истории (1806–1807) // *Давыдов Д.* Сочинения / предисл., подгот. текста и примеч. В. Орлова. М.: ГИХЛ, 1962. С. 196–278.
29. Далин, 1970 — *Далин В.М.* Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М.: Наука, 1970. 393 с.
30. Данте Алигьери, 1967 — *Данте Алигьери*. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967. 627 с.
31. Денон, 2014 — *Денон Д.В.* Путешествие в Нижний и Верхний Египет во время кампаний генерала Бонапарта / пер. с фр. В.Е. Климанова; вступ. ст. и прим. В.В. Солкина. М.: Кучково поле, 2014. 288 с.
32. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
33. Дубровин, 1895 — *Дубровин Н.Ф.* Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе. Ч. III // Русский Вестник. 1895. Июнь. Т. 238. С. 3–34.
34. Дюма, 1990 — *Дюма А.* Граф Монте-Кристо: в 2 т. / пер. с франц. Л. Олавской и В. Строева. М.: Правда, 1990.
35. Журавский, 1990 — *Журавский А.В.* Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, Главная редакция восточной лит., 1990. 128 с.
36. Зазулина, 2019 — *Зазулина Н.Н.* Князь А.Н.Голицын: неизвестный во всех отношениях. М.: Бослен, 2019. 288 с.
37. Земцов, 2018 — *Земцов В.Н.* Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.

38. Иванов, 2006 — Иванов А.Ю. Повседневная жизнь французов при Наполеоне / вступ. ст. А.П. Левандовского. М.: Молодая гвардия, 2006. 351 с.
39. Искюль, 2017 — *Искюль С.Н.* Война и миръ в России 1812 года. 2-е изд., доп. СПб.: Петрополис, 2017. 848 с.
40. Карамзин, 1964 — *Карамзин Н.М.* Избр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964.
41. Карлейль, 1898 — *Карлейль Т.* Герои и героическое в истории: публичные беседы Томаса Карлейля: с портретом автора и статьей переводчика о Карлейле / пер. с англ. В.И. Яковенко. 2-е удешевл. изд. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. 340 с.
42. Козловский, 1912а — *Козловский Л.С.* Наполеон и романтизм // Отечественная война и русское общество: в 7 т. / под ред. А.К. Живелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. 6. С. 155–169.
43. Козловский, 1912б — *Козловский Л.С.* Наполеоновская легенда в польской литературе // Отечественная война и русское общество: в 7 т. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. 6 / под ред. А.К. Живелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. С. 201–208.
44. Кондаков, 2012 — *Кондаков Ю.Е.* «Запрет» масонских лож Николаем I (на материалах Главного управления почт) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. №9. С. 43–56.
45. Кошелев, 2003 — *Кошелев В.А.* Изводы национально-исторического «мифа» в творческом сознании Пушкина (Пугачев и Наполеон) // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. М.: Минувшее, 2003. С. 213–231.
46. Краснова, 1998 — *Краснова Г.* Достоевский и Коран // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 328–334.
47. Крогов, 2021 — *Крогов А.А.* Наполеон и философия. СПб.: Владимир Даль, 2021. 639 с.
48. Лас-Каз, 2019 — *Лас-Каз Э.О.Д.М.Ж. граф де.* Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас-Каза [билингва: франц.-русс.] / изд. подгот. С.Н. Искюль. СПб.: Петрополис, 2019. 208 с.
49. Лашук, 2004 — *Лашук А.* Походы и битвы. 1796–1815 / пер. с фр. М.: Эксмо, 2004. 960 с.
50. Лебедев, 1974 — *Лебедев Ю.В.* О некоторых этических истоках поэзии Некрасова // Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.Н. Скатов; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1974. С. 128–138.
51. Левенштерн, 2018 — *Левенштерн В.И.* Записки: 1790–1815 / вступ. ст. и коммент. Г.Е. Бродского. М.: Кучково поле, Икс-Хистори, 2018. 768 с.
52. Летопись, 2002 — Летопись Российской Академии наук. СПб.: Наука, 2002. Т. II: 1803–1860. 621 с.
53. Ливанов, 1870 — *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. 1-е изд. СПб.: Тип. М. Хана в Болотной, 1870. Т. II. 819 с.
54. Ливанов, 1872 — *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. 1-е изд. СПб.: Тип. М. Хана, 1872. Т. III. XIV с., 626 с.
55. Липранди, 1868 — *Липранди И.* О секте Татариновой // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание под заведыванием О.М. Бодянского, 1868. Октябрь–декабрь. М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1868. Кн. 4. [V. Смесь]. С. 20–51.

56. Липранди, 1883 — *Липранди И.П.* Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении / сост. Липранди (1853). 2-е изд. Лейпциг: Э.Л. Каспрович, 1883. 83 с.
57. Лучицкая, 1994 — *Лучицкая С.И.* Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики XII–XIII вв. // *Одиссей. Человек в истории.* 1994. М.: Наука, 1994. С. 182–195.
58. Людвиг, 1998 — *Людвиг Э.* Наполеон / пер. с нем. Е. Михелевич. М.: Захаров, Вагриус, 1998. 592 с.
59. Максим Горький, 1970 — *Максим Горький.* Полн. собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 7: Пьесы, драматические наброски 1897–1906. 688 с.
60. Махмадияров, 1992 — *Махмадияров А.Б.* Достоевский и Восток: исламские мотивы в творчестве писателя на фоне русской ориенталистики 40–60-х годов XIX века: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1992. 17 с.
61. Мельников, 1862 — *Мельников П.* Письма о расколе. СПб.: Тип. Н. Греча, 1862. 96 с.
62. Мельникова, 2007 — *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 416 с.
63. Мережковский, 1993 — *Мережковский Д.С.* Наполеон / послесл. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1993. 319 с.
64. Мирзоев, 2010 — *Мирзоев Е.Б.* С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М.: Институт бизнеса и политики, 2010. 164 с.
65. Морлей, 2016 — *Морлей Д.* Вольтер / пер. с англ. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.
66. Наполеон, 2003 — *Наполеон Бонапарт.* Кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.) / пер. В.Я. Голанта // *Наполеон Бонапарт.* О военном искусстве. Избранные произведения. Речи. М.: Эксмо, 2003. С. 419–674.
67. Наполеон в России, 2004 — *Наполеон в России глазами русских.* М.: Захаров, 2004. 320 с.
68. Панченко, 2004 — *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
69. Подосокорский, 2009 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 177 с.
70. Полевой, 1844 — *Полевой Н.А.* История Наполеона. Сочинение Николая Полевого. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1844. Т. 1. 442 с., 5 с.
71. Прео, 2021 — *Прео Ш.-Т. Бовэ де.* Революционные войны. Победы, завоевания, поражения, перевороты и гражданские войны французов. 1792–1802 гг. М.: Клио, 2021. Т. VII. 1798. Ч. 2, 1799. Ч. 1 / пер. с франц. Ю.С. Смирнова. 272 с.
72. Промыслов, 2016 — *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 254 с.
73. Протопопов, 1867 — *Протопопов Г.* Опыт исторического обозрения мистических сект в России // *Труды Киевской духовной академии.* Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1867. Т. 4. С. 89–119.
74. Прусская, 2016 — *Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 183 с.

75. ПСЗРИ, 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: в 45 т. 1830. Т. XXXVIII: 1822–1823. / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1354 с.

76. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

77. Пыпин, 2000 — *Пыпин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александре I / предисл. А.Н. Цамутали. СПб.: Академический проект, 2000. 472 с.

78. Реизов, 1962 — *Реизов Б.Г.* Между классицизмом и реализмом. Спор о драме в период Первой Империи. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 255 с.

79. Романюк, 2013 — *Романюк Т.С.* «Наполеон (Аполион)-Антихрист» в уральской старообрядческой письменности XIX в. // «И вечной памятью двенадцатого года...» Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г. / под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. С. 65–70.

80. Ростопчин, 2014 — *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / сост., предисл., перевод с франц., прим. А.О. Мещеряковой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 704 с.

81. Сазонова, 2012 — *Сазонова Л.И.* Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. №2. С. 42–61.

82. Серков, 2000 — *Серков А.И.* История русского мазонства XIX века. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2000. 393 с.

83. Скотт, 1995 — *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов: в 2 т. / коммент. Д.М. Туган-Барановского. М.: Эхо, 1995.

84. Стендаль, 1959 — *Стендаль.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Правда, 1959.

85. Талейран, 1959 — *Талейран.* Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация / ред. и ст. Е.В. Тарле. М.: Изд-во Института международных отношений, 1959. 440 с.

86. Таньшина, 2020 — *Таньшина Н.П.* Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. СПб.: Евразия, 2020. 224 с.

87. Тарасов, 2003 — *Тарасов Б.Н.* Комментарии // *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. М.: Классика, 2003. Т. 3. С. 213–520.

88. Тарле, 1959 — *Тарле Е.В.* Наполеон // *Тарле Е.В.* Соч.: в 12 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 7. С.11–431.

89. Тихомиров, 1992 — *Тихомиров Б.Н.* К вопросу о «прототипах» образа идеи в романах Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 42–55.

90. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 470 с.

91. Туган-Барановский, 1995 — *Туган-Барановский Д.М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать». Печать при Наполеоне // Новая и новейшая история. 1995. №3. С. 158–179.

92. Филарет, 1813 — *Филарет (Дроздов).* Ответ на письмо которым предложено было написать рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне. СПб.: При Сенатской типографии, 1813. 22 с.

93. Финкельштейн, 1963 — *Финкельштейн Е.Л., Левбарг Л.А.* Театр периода Консульства и Империи // История западноевропейского театра. М.: Искусство, 1963. Т. 3. С. 102–124.
94. Фирсов, 2021 — *Фирсов С.Л.* «Якорь спасения». Православная Церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории: монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской православной духовной академии, 2021. 464 с.
95. Флоровский, 2009 — *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
96. Фомичев, 1978 — *Фомичев С.А.* «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. С. 22–45.
97. Фон Иелин, 2003 — *Фон Иелин.* Записки офицера армии Наполеона // *Роос Г.* С Наполеоном в Россию. М.: Наследие, 2003. С. 158–205.
98. Фотий, 2010 — *Архимандрит Фотий (Спасский).* Борьба за веру. Против масонов / сост., предисл. и примеч. В. Улыбин; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 400 с.
99. Черепанова, 2011 — *Черепанова Р.С.* Наполеон Бонапарт как фигура русского национального самосознания // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М.: Ключ-С, 2011. С. 176–193.
100. Чистов, 2003 — *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 539 с.
101. Шаламов, 2018 — *Шаламов А.Ю.* Граф Ростопчин и московская полиция в 1812 году. М.: Кучково поле, 2018. 368 с.
102. Шильдер, 2008 — *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование: в 4 т. / отв. ред. Ю.О. Бем. М.: Московские учебники и Картолитография, 2008. Т. 2. 464 с.

References

1. Abd ar-rakhman Al-dzhabarti. *Egipet v period ekspeditsii Bonaparta (1798–1801)* [*Egypt During Bonaparte's Expedition (1798–1801)*]. Trans., Preface, and Comm. by I.M. Fil'shtinskii. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury Publ., 1962. 540 p. (In Russ.)
2. Adadurov, V. *Voina tsivilizatsii: Sotsiokul'turnaia istoriia russkogo pokhoda Napoleona* [A War of Civilizations: A Socio-Cultural History of Napoleon's Russian Campaign]. Vol. 1: Religia – Iazyk [Religion – Language]. Kiev, Laurus, 2017. 400 p. (In Russ.)
3. Alekseev, P.B. "Musul'manskii Vostok v poetike F.M. Dostoevskogo" ["The Muslim East in Dostoevsky's Poetics"]. *Vestnik OmGU*, no. 4 (70), 2013, pp. 298–301. (In Russ.)
4. *Anekdoty Napoleona, s ocherkom ego zhizni, koronatsii, pogrebeniia, dukhovnogo zaveshchaniia; poeticheskie vozzvaniia ego k voisku i pis'ma k raznym izvestnym osobam Evropy* [Anecdotes on Napoleon, With a Sketch of His Life, Coronation, Burial, Spiritual Testament; His Poetic Proclamations to the Army and Letters to Various Famous Persons of Europe], part 1. Moscow, Tipografia Nikolaia Stepanova Publ., 1843. 91 p. (In Russ.)

5. Artamonova, I.V. *Mifo Napoleone v russkoi klassike XIX veka* (A.S. Pushkin, M.Iu. Lermontov, N.V. Gogol'): monografiia [The Myth of Napoleon in 19th-Century Russian Classics (A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.V. Gogol: A Monography)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 170 p. (In Russ.)
6. Bal'zak, O. de. *Sobranie sochinenii: v 24 tomakh* [Collected Works: in 24 vols]. Comp. by D.D. Oblomievskii. Moscow, Pravda, 1960. (In Russ.)
7. Berdiaev, N.A. *Russkaia ideia* [The Russian Idea]. Comp., Intro., and Comm. by M.A. Bliumenkrants. Kharkov, Moscow, Folio, AST Publ., 2002. 624 p. (In Russ.)
8. Blagoi, D.D. "Dostoevskii i Pushkin" ["Dostoevsky and Pushkin"]. *Dostoevskii – khudozhnik i myslitel'. Sbornik statei* [Dostoevsky, Artist and Thinker. Collected Articles], Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972, pp. 344–426. (In Russ.)
9. Borisova, V.V. "Sintetizm religiozno-mifologicheskogo podteksta v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (Biblia i Koran)" ["Synthesis of Religious and Mythological Subtexts in the Work of F.M. Dostoevsky (Bible and Koran)"]. *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo: Iskusstvo sinteza* [Dostoevsky's Work: The Art of Synthesis], ed. by G.K. Shchennikov, R.G. Nazirov, Ekaterinburg, Izdatel'stvo Uralskogo Universiteta Publ., 1991, pp. 63–87. (In Russ.)
10. Borisova, V.V. "'Tvar' drozhashchaia'" ["'Trembling Creature'"]. *Dostoevsky: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetic and Poetics: Handbook Dictionary], comp. by G.K. Shchennikov, Cheliabinsk, ChelGU Publ., 1997, p. 118. (In Russ.)
11. Bocharov, S.G. "'Ty chelovechestvo prezrel'. Ob odnom siuzhete russkoi literatury i ego aktual'nosti'" ["'You Have Scorned Mankind'. About a Motif in Russian Literature and Its Relevance"]. *Novyi mir*, no. 8, 2002, pp. 141–153. (In Russ.)
12. Bochenkov, V. "Starovery v voine 1812 goda" ["Old Believers in the War of 1812"]. *Moskva*, no. 8, 2013, pp. 160–174. (In Russ.)
13. Bur'enn, L.A.F. de. *Zapiski g. Burienna, gosudarstvennogo ministra o Napoleone, Direktorii, Konsul'stve, Imperii i vosstanovlenii Burbonov: v 10 chastiakh* [Memoirs of Mr. Bourienne, Minister of State on Napoleon, the Directory, the Consulate, the Empire and the Restoration of the Bourbons: in 10 parts]. Vol. 1. Part 2. Trans. by S. De Shaplet. St. Petersburg, Tipografiia Shtaba Otdel'nogo Korpusa Vnutrennei Strazhi Publ., 1834. 349 p. (In Russ.)
14. Baradinov, N.V. *Istoriia Ministerstva vnutrennykh del* [History of the Ministry of the Interior]. Book 8: Istoriia rasporiashchenii po raskolu [History of the Orders on the Raskol]. St. Petersburg, Tipografiia Ministerstva vnutrennykh del Publ., 1863. 656 p. (In Russ.)
15. Beider, B., and Khepgud, D. *Blistatel'nyi Bonapart. Kto ubil Napoleona?* [The Brilliant Bonaparte. Who Killed Napoleon?]. Trans. by N.A. Nastavina and V.B. Rybakov. Intro. and comm. by V.B. Rybakov. Ed. by V.E. Kachanov. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1992. 349 p. (In Russ.)
16. *Vestnik Evropy*, no. 2, 1802. 95 p. (In Russ.)
17. *Vestnik Evropy, izdavaemyi Nikolaem Karamzinyim* [Vestnik Evropy, Published by Nikolay Karamzin]. Part III. Moscow, Universitetskaia Tipografiia Publ., 1802. 367 p. (In Russ.)
18. *Vestnik Evropy, izdavaemyi Mikhailom Kachenovskim* [Vestnik Evropy, Published by Mikhail Kachenovsky]. Part XXVIII. Moscow, Universitetskaia Tipografiia Publ., 1806. 320 p. (In Russ.)
19. Vol'ter. *Magomet. Tragediia v piati deistviiakh* [Mahomet. Tragedy in Five Acts]. Trans. by P.S. Potemkin. 2nd Ed. St. Petersburg, Tipografiia V. Plavil'shchikova Publ., 1810. 80 p. (In Russ.)

20. Vol'ter. *Magomet. Tragediia v piati deistviiakh v stikakh. Sochinenie Vol'tera* [Mahomet. *Tragedy in Five Acts in Verses. A Work by Voltaire*]. Trans. by Nikolai Ostolopov in 1827. St. Petersburg, Tipografiia Aleksandra Smiridina Publ., 1828. 8 p., 77 p. (In Russ.)
21. Vol'ter. *Magomet* [Mahomet]. Trans. by S. Borbov. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1947. 644 p. (In Russ.)
22. Vol'ter. "Magomet, ili fanatizm" ["Mahomet, or Fanatism"]. Trans. by V. Lugovskii and A. Golemb. *Frantsuskii teatr epokhi Prozheshcheniia. Sbornik p'es* [French Renaissance Theatre. *Collected Plays*], vol. 1, ed. by N. Liubimov, Moscow, Iskusstvo Publ., 1957. 486 p. (In Russ.)
23. Vsevolodskii-Gerngross, V.N. *Teatr v Rossii v epokhu Otechestvennoi voiny* [Russian Theatre during the Patriotic War]. Intro. and comm. by V.A. Kharlamov. St. Petersburg, Chisty list Publ., 2012. 248 p. (In Russ.)
24. Glinka, S.N. *Tainye zlodeianiia i iavnye lzhi i obmany Napoleona Bonaparta, vybrannye iz raznykh frantsuskikh knig, vnov' vyshedshikh, i izdannye Sergeem Glinkoiu* [The Secret Misdeeds and Outright Lies and Deceptions of Napoleon Bonaparte, Selected from Various French Books, Newly Published, and Published by Sergei Glinka]. Moscow, Tipografiia S. Selivanovskogo Publ., 1816. 94 p. (In Russ.)
25. Glinka, S.N. *Zapiski Sergeia Nikolaevicha Glinki* [Notes by Sergey Nikolaevich Glinka]. St. Petersburg, Izdanie redaktsii zhurnala "Russkaia starina" Publ., 1895. 380 p. (In Russ.)
26. Gordin, Ia. *Delo o masonskom zagovore, ili Mistiki i okhraniteli* [The Case of the Masonic Conspiracy, or Mystics and Conservatives]. 2nd Ed. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2015. 496 p. (In Russ.)
27. Guminskii, V.M. "Gogol', Aleksandr I i Napoleon" ["Gogol, Alexandr I, and Napoleon"]. *Nash sovremennik*, no. 3, 2002, pp. 216–232. (In Russ.)
28. Davydov, D. "Materialy dlia sovremennoi voennoi istorii (1806–1807)" ["Materials for Contemporary Military History (1806–1807)"]. *Sochineniia*, intro., comp., and comm. by V. Orlov, Moscow, GIKHL Publ., 1962, pp. 196–278. (In Russ.)
29. Dalin, V.M. *Liudi i idei. Iz istorii revoliutsionnogo i sotsialisticheskogo dvizheniia vo Frantsii* [People and Ideas. From the History of the Revolutionary and Socialist Movement in France]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 393 p. (In Russ.)
30. Dante Alig'eri. *Bozhestvennaia komediia* [The Divine Comedy]. Trans. by M. Lozinskii. Ed. by I.N. Golenishchev-Kutuzov. Moscow, Nauka Publ., 1967. 627 p. (In Russ.)
31. Delon, D.V. *Puteshestvie v Nizhnii i Verkhonii Egipet vo vremia kampanii generala Bonaparta* [Journey to Lower and Upper Egypt during General Bonaparte's Campaigns]. Trans. by V.E. Klimanov, intro. and comm. by V.V. Solokin. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014. 288 p. (In Russ.)
32. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
33. Dubrovin, N.F. "Napoleon I v sovremennom emu russkom obshchestve i v russkoi literaturre. Chast' III" ["Napoleon I in Contemporary Russian Society and in Russian Literature. Part III"]. *Russkii vestnik*, vol. 238, 1895, pp. 3–34. (In Russ.)
34. Diuna, A. *Graf Monte-Kristo: v 2 tomakh* [The Count of Monte Cristo: in 2 vols]. Trans. by L. Olavskaia and V. Stroev. Moscow, Pravda Publ., 1990. (In Russ.)
35. Zhuravskii, A.V. *Khristianstvo i islam. Sotsiokul'turnye problem dialoga* [Christianism and Islam. Sociocultural Challenges of the Dialogue]. Moscow, Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1990. 128 p. (In Russ.)

36. Zazulina, N.N. *Kniaz' A.N. Golitsyn: neizvestnyi vo vseh otnosheniakh* [*Prince A.N. Golitsyn: Unknown in All Respects*]. Moscow, Boslen Publ., 2019. 288 p. (In Russ.)
37. Zemtsov, V.N. *Napoleon v Rossii: sotsiokul'turnaia istoriia voiny i okkupatsii* [*Napoleon in Russia: A Socio-Cultural History of the War and the Occupation*]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2018. 431 p. (In Russ.)
38. Ivanov, A.Iu. *Povsednevnaia zhizn' frantsuzov pri Napoleone* [*French Daily Life under Napoleon*]. Intro. by A.P. Levandovskii. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2006. 351 p. (In Russ.)
39. Iskiul', S.N. *Voina i mir' v Rossii 1812 goda* [*War and Peace in Russia 1812*]. 2nd Ed. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2017. 848 p. (In Russ.)
40. Karamzin, N.M. *Izbrannie sochineniia: v 2 tomakh* [*Selected Works: in 2 vols*]. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. (In Russ.)
41. Karleil', T. *Geroi i geroicheskoe v istorii: publichnye besedy Tomasa Karleilia: s portretom avtora i stat'ei perevodchika o Karleile* [*Heroes and the Heroic in History: Thomas Carlyle's Public Conversations: With a Portrait of the Author and an Article by the Translator on Carlyle*]. Trans. by V.I. Iakovenko. 2nd Ed. St. Petersburg, Tipografia E. Evdokimova Publ., 1898. 340 p. (In Russ.)
42. Kozlovskii, L.S. "Napoleon i romantizm" ["Napoleon and Romantism"]. *Otechestvennaia voina i russkoe obshchestvo: v 7 tomakh* [*The Patriotic War and Russian Society: in 7 vols*], vol. 6, ed. by A.K. Dvizhelev, S.P. Mel'gunov, V.I. Picheta, Moscow, Izdanie T-va I.D. Sytina Publ., 1912, pp. 155–169. (In Russ.)
42. Kozlovskii, L.S. "Napoleonskaia legenda v pol'skoi literature" ["Napoleonic Legend in Polish Literature"]. *Otechestvennaia voina i russkoe obshchestvo: v 7 tomakh* [*The Patriotic War and Russian Society: in 7 vols*], vol. 6, ed. by A.K. Dvizhelev, S.P. Mel'gunov, V.I. Picheta, Moscow, Izdanie T-va I.D. Sytina Publ., 1912, pp. 201–208. (In Russ.)
44. Kondakov, Iu.E. "Zapret' masonskikh lozh Nikolaem I (na materialakh Glavnogo upravleniia pocht)" ["The 'Prohibition' of Masonic Lodges by Nicholas I (Based on Materials from the General Directorate of Posts)"]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 9, 2012, pp. 43–56. (In Russ.)
45. Koshelev, V.A. "Izvydy natsional'no-istoricheskogo 'mifa' v tvorcheskoi soznanii Pushkina (Pugachev i Napoleon)" ["The National-Historical 'Myth' in Pushkin's Creative Mind (Pugachev and Napoleon)"]. *Napoleon. Legenda i real'nost': Materialy nauchnykh konferentsii i napoleonovskikh chtenii. 1996–1998* [*Napoleon. Legend and Reality: Materials from Academic Conferences and Napoleon Readings. 1996–1998*], Moscow, Minushee Publ., 2003, pp. 213–231. (In Russ.)
46. Krasnova, G. "Dostoevskii i Koran" ["Dostoevsky and the Quran"]. *Voprosy literatury*, no. 3, 1998, pp. 328–334. (In Russ.)
47. Krotov, A.A. *Napoleon i filosofii* [*Napoleon and Philosophy*]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2021. 639 p. (In Russ.)
48. Las-Kaz, E.O.D.M.Zh. graf de. *Maksimy i mysli uznika Sviatoi Eleny. Rukopisi, naidennaia v bumagakh Las-Kaza* [bilingva: frants.-russk.] [*The Maxims and Thoughts of the Prisoner of St Helena. Manuscript Found in the Papers of Las Cases* [bilingual: French-Russian]. Ed. by S.N. Iskiul'. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
49. Lashuk, A. *Pokhody i bitvy. 1796–1815* [*Campaigns and Battles. 1796–1815*]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 960 p. (In Russ.)

50. Lebedev, Iu.V. “O nekotorykh eticheskikh istokakh poezii Nekrasova” [“About Some Ethical Sources of Nekrasov’s Poetry”]. *F.M. Dostoevskii, N.A. Nekrasov: sbornik nauchnykh trudov* [F.M. Dostoevsky, N.A. Nekrasov: Collected Papers], ed. by N.N. Skatov, Leningrad, Izd-vo LGPI Publ., 1974, pp. 128–138. (In Russ.)
51. Levenshtern, V.I. *Zapiski: 1790–1815* [Notes: 1790–1815]. Intro. and comm. G.E. Brodskii. Moscow, Kuchkovo pole Publ., Iks-Khitori Publ., 2018. 768 p. (In Russ.)
52. *Letopis’ Rossiiskoi Akademii nauk* [Chronicles of the Russian Academy of Sciences]. Vol. II: 1803–1860. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 621 p. (In Russ.)
53. Livanov, F.B. *Raskol’niki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy* [Raskolniki and Ostrogniki. Essays and Stories]. Vol. II. 1st Ed. St. Petersburg, Tipografia M. Khana v Bolotnoi Publ., 1870. 819 p. (In Russ.)
54. Livanov, F.B. *Raskol’niki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy* [Raskolniki and Ostrogniki. Essays and Stories]. Vol. III. 1st Ed. St. Petersburg, Tipografia M. Khana Publ., 1872. XIV c., 626 p. (In Russ.)
55. Liprandi, I. “O sekte Tatarinovoi” [“About Tatarinova’s Sect”]. *Chtenia v Imperatorskom obshchestve i drevnostei rossiiskikh pri Moscovskom universitete. Povremennoe izdanie pod zavedyvaniem O.M. Bodianskogo. 1868. Oktiaбр’-dekabr’* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. A Temporary Edition under the Supervision of O.M. Bodiansky, 1868. October–December], Book 4 [V. Smes’], Moscow, Universitetskaiia tipografia na Strastnom Bul’vare, 1868, pp. 20–51. (In Russ.)
56. Liprandi, I.P. *Kratkoe obozrenie sushchestvuiushchikh v Rossii raskolov, eresei i sekt kak v religioznom, tak i v politicheskom ikh znachenii* [A Brief Survey of Existing Schisms, Heresies, and Sects in Russia, both in Their Religious and Political Significance]. Comp. by Liprandi (1853). 2nd Ed. Leipzig, E.L. Kasprovich Publ., 1883. 83 p. (In Russ.)
57. Luchitskaia, S.I. “Obraz Mukhammada v zerkale latinskoii khronistiki XII–XIII vekov” [“The Image of Mohammed in the Mirror of 12th and 13th-Century Latin Chronicles”]. *Odissei. Chelovek v istorii* [Ulysses. Man in History], Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 182–195. (In Russ.)
58. Liudvig, E. *Napoleon* [Napoleon]. Trans. By E. Mikhelevich. Moscow, Zakharov, Vagrius Publ., 1998. 592 p. (In Russ.)
59. Maksim Gor’kii. *Polnoe sobranie sochinenii: v 25 tomakh* [Complete Works: in 25 vols]. Vol. 7: P’esy, dramaticheskie raboty 1897–1906 [Plays, Dramas 1897–1906]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 688 p. (In Russ.)
60. Makhmadiiarov, A.B. *Dostoevskii i Vostok: islamskie motivy v tvorchestve pisatel’ia na fone russkoi orientalistiki 40–60-kh godov XIX veka: avtoreferat dis. ... kand. filolog. nauk* [Dostoevsky and the East: Islamic Motifs in the Writer’s Work in the Background of Russian Orientalism in the 40–60s of the 19th Century: Phd Thesis, Summary]. Nizhnyi Novgorod, 1992. 17 p. (In Russ.)
61. Mel’nikov, P. *Pis’ma o raskole* [Letters about the Schism]. St. Petersburg, Tipografia N. Grecha Publ., 1862. 96 p. (In Russ.)
62. Mel’nikova, L.V. *Armia i Pravoslavnaia Tserkov’ Rossiiskoi imperii v epokhu napoleonskikh voin* [The Army and the Orthodox Church of the Russian Empire during Napoleonic Wars]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
63. Merezhkovskii, D.S. *Napoleon* [Napoleon]. Afterword by A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 1993. 319 p. (In Russ.)

64. Mirzoev, E.B. S.N. *Glinka protiv napoleonovskoi Frantsii. U istokov konservativno-natsionalisticheskoi ideologii v Rossii* [S.N. Glinka against Napoleonic France. At the Origins of Conservative-Nationalist Ideology in Russia]. Moscow, Institut biznesa i politiki Publ., 2010. 164 p. (In Russ.)
65. Morlei, D. *Vol'ter [Voltaire]*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)
66. Napoleon Bonapart. "Kampanii v Egipte i Sirii (1798–1799 gg.)" ["Campaigns in Egypt and Syria (1798–1799)"]. Trans. by V.Ia. Golant. *O voennom iskusstve. Izbrannye proizvedeniia. Rechi* [On the Art of War. Selected Works. Speeches], Moscow, Eksmo Publ., 2003, pp. 419–674. (In Russ.)
67. *Napoleon v Rossii glazami russkikh [Napoleon in Russia in the Eyes of Russians]*. Moscow, Zakharov Publ., 2004. 320 p. (In Russ.)
68. Panchenko, A.A. *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina and Skoptstvo: Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects]. 2nd Ed. Moscow, OGI Publ., 2004. 541 p. (In Russ.)
69. Podosokorskii, N.N. *Napoleonovskaia tema v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot": dis. ... kand. filol. nauk* [The Theme of Napoleon in Dostoevsky's Novel The Idiot: PhD Dissertation]. Velikii Novgorod, 2009. 177 p. (In Russ.)
70. Polevoi, N.A. *Istoriia Napoleona. Sochinenie Nikolaia Polevogo* [The History of Napoleon. A Work by Nikolay Polevoi]. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1844. 442 p., 5 p. (In Russ.)
71. Preo, Sh-T Bove de. *Revoliutsionnye voiny. Pobedy, zavoevaniia, porazheniia, perevoroty i grazhdanskie voiny frantsuzov. 1792–1802 gg.* [Revolutionary Wars. French Victories, Conquests, Defeats, Coups, and Civil Wars. 1792–1802]. Vol. VII: 1798. Trans. By Iu.S. Smirnov. Moscow, Klio Publ., 2021. 272 p. (In Russ.)
72. Promyslov, N.V. *Frantsuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremia voiny 1812 goda* [French Public Opinion of Russia on the Eve and During the War of 1812]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. 254 p. (In Russ.)
73. Protopopov, G. "Opyt istoricheskogo obozreniia misticheskikh sekt v Rossii" ["An Experiment of an Historical Overview of Mystic Sects in Russia"]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii* [The Works of Kiev Spiritual Academy], vol. 4, Kiev, Tipografiia Kiev-Pecherskoi lavry Publ., 1867, pp. 89–119. (In Russ.)
74. Prusskaia, E.A. *Frantsuzskaia ekspeditsiia v Egipt 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriiatie dvukh tsivilizatsii* [The French Expedition to Egypt 1798–1801: The Mutual Perception of Two Civilizations]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2016. 183 p. (In Russ.)
75. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda: v 45 tomakh* [A Complete Collection of the Law of Russian Empire from 1649: in 45 vols]. Vol. XXXVIII: 1822–1823. Ed. by M.M. Speranskii. St. Petersburg, Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii Publ., 1830. 1354 p. (In Russ.)
76. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Complete Works: in 10 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
77. Pypin, A.N. *Religioznye dvizheniia pri Aleksandre I. Issledovaniia i stat'i po epokhe Aleksandre I* [Religious Movements under Alexandr I. Research and Articles about the Era of Alexandr I]. Intro. by A.N. Tsamutali. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000. 472 p. (In Russ.)

78. Reizov, B.G. *Mezhdū klassitsizmom i realizmom. Spor o drame v period Pervoi Imperii* [Between Classicism and Realism. Discussing Drama during the First Empire]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo Universiteta Publ., 1962. 255 p. (In Russ.)
79. Romaniuk, T.S. “Napoleon (Apolion)-Antikhrisť v ural’skoi staroobriadcheskoi pis’menosti XIX v.” [“Napoleon (Apolion)-Antichrist’ in the Writings of Ural Old Believers of the 19th Century”]. “I vechnoi pamiat’iu dvenadtsatogo goda...” *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu Otechestvennoi voiny 1812 g.* [“And the Everlasting Memory of 1812...” *Materials of the Russian Academic Conference dedicated to the 200th Anniversary of the Patriotic War*], Ekaterinburg, 14–15 December 2012, ed. by E.E. Prikazchikova, Ekaterinburg, Izd-vo Ural’skogo Universiteta Publ., 2013, pp. 65–70. (In Russ.)
80. Rostopchin, F.V. *Mysli vslykh na Krasnom kryl’tse* [Thoughts Aloud on the Red Porch]. Ed., intro., trans., comm. by A.O. Meshcheriakova; Ex. ed. O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2014. 704 p. (In Russ.)
81. Sazonova, I.L. “Skazanie o Napoleone-antikhriste: staroobriadcheskii variant antinapoleonovskogo mifa” [“The Napoleon Antichrist Tale: An Old Believer Version of the Anti-Napoleon Myth”]. *Slavovedenie*, no. 2, 2012, pp. 42–61. (In Russ.)
82. Serkov, A.I. *Istoriia russkogo masonstva XIX veka* [The History of Russian Masonry in 19th Century]. St. Petersburg, Izd-vo im. N.I. Novikova Publ., 2000. 393 p. (In Russ.)
83. Skott, V. *Zhizn’ Napoleona Bonaparta, imperatora frantsuzov: v 2 tomakh* [The Life of Napoleon Bonaparte, Emperor of the French: in 2 vols]. Comm. by D.M. Tugan-Baranovskii. Moscow, Eko Publ., 1995. (In Russ.)
84. Stendal’. *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [Complete Works: in 15 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1959. (In Russ.)
85. Taleiran. *Memuary. Stryi rezhim. Velikaia revoliutsiia. Imperiia. Restavratsiia* [Memoirs. The Old Regime. The Great Revolution. The Empire. Restoration]. Ed. by E.V. Tarle. Moscow, Izd-vo Instituta mezhdunarodnyi otnoshenii Publ., 1959. 440 p. (In Russ.)
86. Tanyshina, N.P. *Napoleon Bonapart: mezhdū istoriei i legendoi* [Napoleon Bonaparte: Between History and Legend]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2020. 224 p. (In Russ.)
87. Tarasov, B.N. “Kommentarii” [“Commentary”]. Tiutchev, F.I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 6 tomakh* [Complete Works and Letters: in 6 vols], vol. 3, Moscow, Klassika Publ., 2003, pp. 213–520. (In Russ.)
88. Tarle, E.V. “Napoleon” [“Napoleon”]. *Sochineniia: v 12 tomakh* [Works: in 12 vols], vol. 7, Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1959, pp. 11–431. (In Russ.)
89. Tikhomirov, B.N. “K voprosu o ‘prototipakh’ obraza idei v romanakh Dostoevskogo” [“On the ‘prototypes’ of the idea in Dostoevsky’s novels”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 10, 1992, pp. 42–55. (In Russ.)
90. Tikhomirov, B.N. “Lazar’! Griadi von”. *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochenii. Kniga-kommentarii* [“Lazarus, Come Out” A Contemporary Reading of Dostoevsky’s Novel Crime and Punishment. Book-Commentary]. St. Petersburg, Serebrianni vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
91. Tugan-Baranovskii, D.M. “Loshad’, kotoruiu ia pytalsia obuzdat”. *Pechat’ pri Napoleone* [“The Horse I Tried to Rein in”. Press under Napoleon]. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, 1995, pp. 158–179. (In Russ.)

92. Filaret (Drozdov). *Otvet na pis'mo kotorym predlozhenno bylo napisat' rassuzhdenie o npravstvennykh prichinakh neimovernykh uspekhev nashikh v nastoiashchei voine* [Response to a Letter Asking for an Essay on the Moral Reasons for Our Enormous Successes in the Present War]. St. Petersburg, Pri Senatskoi tipografii Publ., 1813. 22 p. (In Russ.)
93. Finkel'shtein, E.L., and Levbarg, L.A. "Teatr perioda Konsul'stva i Imperii" ["Theatre during the Consular and Imperial Period"]. *Istoriia zapadnoevropeiskogo teatra* [The History of the Theatre in Western Europe], vol. 3, Moscow, Iskuststvo Publ., 1963, pp. 102–124. (In Russ.)
94. Firsov, S.L. "Iakor' spaseniiia". *Pravoslavnaia Tserkov' i Rossiiskoe gosudarstvo v epokhu imperatora Nikolaiia I. Ocherki istorii: monografiia* ["The Anchor of Salvation". The Orthodox Church and the Russian State in the Age of Emperor Nicholas I. Essays on History: A Monograph]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoi pravoslavnoi dukhovnoi akademii Publ., 2021. 464 p. (In Russ.)
95. Florovskii, G.V. *Puti russkogo bogosloviia* [The Ways of Russian Theology]. Ed. by O. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009. 848 p. (In Russ.)
96. Fomichev, S.A. "Podrazhaniia Koranu': Genezis, arkhitektonika i kompozitsiia tsikla" ["Imitations of the Koran': Genesis, Architectonics, and Composition of the Cycle"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1978* [The Pushkin Commission Provisional, 1978], Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 22–45. (In Russ.)
97. Fon Ielin. "Zapiski ofitsera armii Napoleona" ["Notes from an Official of the Napoleonic Army"]. Roos, G. *S Napoleonom v Rossiiu* [With Napoleon to Russia], Moscow, Nasledie Publ., 2003, pp. 158–205. (In Russ.)
98. Arkhimadrit Fotii (Spasskii). *Bor'ba za veru. Protiv masonov* [A Fight for the Faith. Against Masons]. Comp., intro., and comm. by V. Ulybin. Ex. ed. O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)
99. Cherepanova, R.S. "Napoleon Bonapart kak figura russkogo natsional'nogo samosoznaniia" ["Napoleon Bonaparte as a Figure of Russian National Selfconsciousness"]. *Napoleonskie voiny na mental'nykh kartakh Evropy: istoricheskoe soznanie i literaturnye mify* [The Napoleonic Wars on the Mental Maps of Europe: Historical Consciousness and Literary Myths], Moscow, Kiuch-S Publ., 2011, pp. 176–193. (In Russ.)
100. Chistov, K.V. *Russkaia narodnaia utopiia (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian Popular Utopia (Genesis and Functions of Social-Utopian Legends)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 539 p. (In Russ.)
101. Shalamov, A.Iu. *Graf Rostopchin i moskovskaia politsiia v 1812 godu* [The Count Rostopchin and Moscow Police in 1812]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)
102. Shil'der, N.K. *Imperator Aleksandr Pervyi: Ego zhizn' i tsarstvovanie: v 4 tomakh* [The Emperor Alexander I: His Life and Reign: in 4 vols]. Vol. 2. Ed. by Iu.O. Bem. Moscow, Moskovskie uchebniki i Kartolitografiia, 2008. 464 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.05.2022
Одобрена после рецензирования: 10.05.2022
Принята к публикации: 11.05.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 05 May 2022
Approved after reviewing: 10 May 2022
Accepted for publication: 11 May 2022
Date of publication: 25 June 2022